

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 51-52

С приложением „Судебная практика“
(приложение выходит 2 раза в месяц).

К настоящему номеру приложена „Судебная Практика“ № 23—24.

31 Декабря 1929 года

К пятидесятилетию тов. И. В. Сталина

(Биография).

Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович, родился в 1879 г. в городе Гори, Тифлисской губернии. По национальности — грузин, сын сапожника, рабочего обувной фабрики Адельханова в Тифлисе, по прописке — крестьянина Тифлисской губ. и уезда, села Диди-Лило.

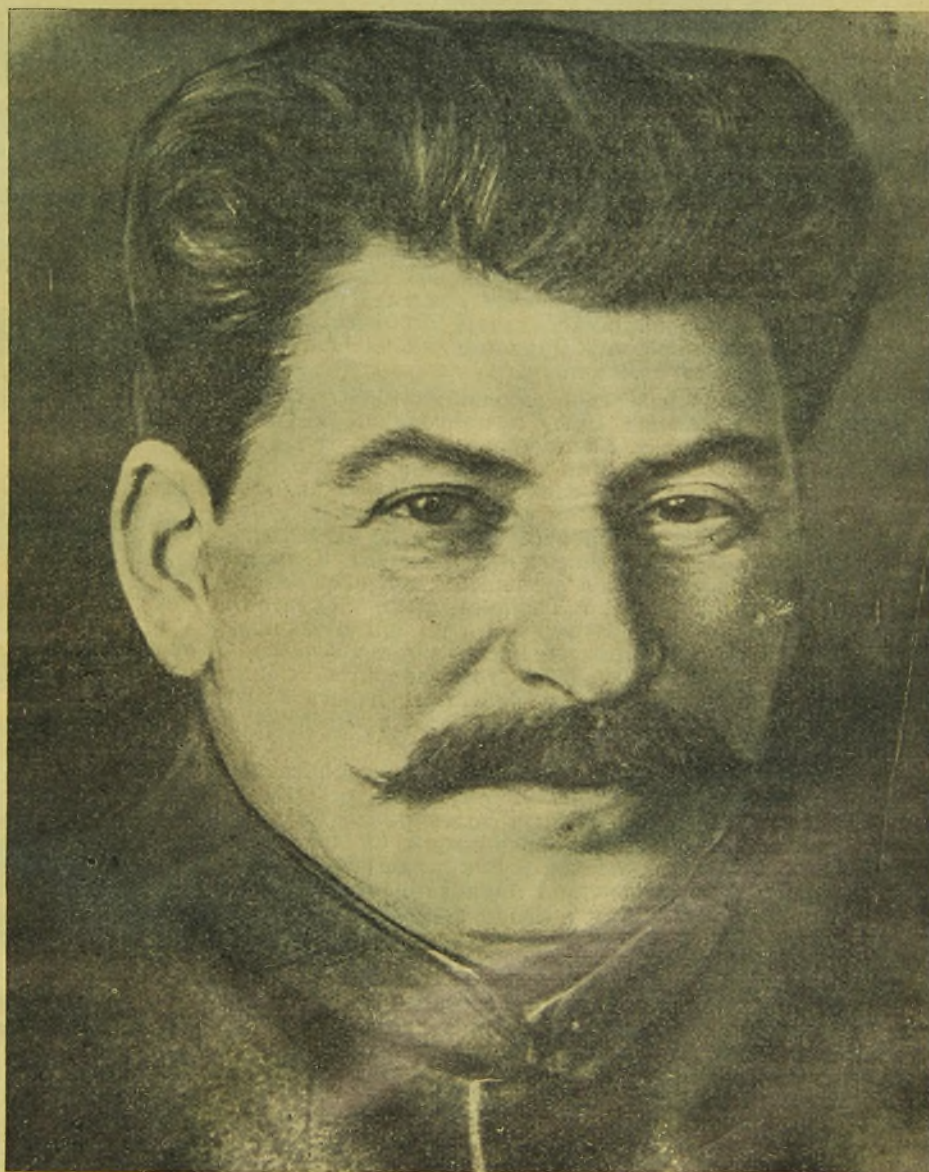
В 1893 г. Сталин окончил духовное училище в Гори и поступил в том же году в Тифлисскую духовную православную семинарию. Семинария являлась тогда рассадником всякого рода освободительных идей среди молодежи в Тифлисе как народническо-националистических, так и марксистко-интернационалистических. Семинария кишит всякого рода кружками. В 1897 г. Сталин становится во главе марксистских кружков семинарии. В этот же период связывается он с нелегальной социал-демократической организацией в Тифлисе, получает от нее нелегальщину, участвует в нелегальных собраниях рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе и т. д.

В 1898 г. Сталин вступает формально в Тифлисскую организацию Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии. Сталин ведет в этот период пропагандистскую работу в рабочих кружках железнодорожного и фабричного районов. В семинарии, где слежка за «подозрительными» налажена довольно недурно, начинают догадываться о нелегальной работе Сталина и исключают его оттуда за «неблагонадежность».

1899—1900 гг. проходят для Сталина в интенсивной работе по пропаганде в рабочих кружках. В 1900 году учреждается Тифлисский Комитет РСДРП. Сталин становится членом Тифлисского Комитета и одним из его выдающихся руководителей. В этот период рабочее движение в Тифлисе начинает выходить из рамок старой, чисто пропагандистской работы «с выдающимися единицами» из рабочих. Агитация в массах путем листовок на злободневные темы, путем лстучек и политических демонстраций против царизма становится злобой дня. Разгорается спор между «стариками», сторонниками старых методов чисто пропагандистской работы, и «молодыми», сторонниками «улицы». Сталин на стороне «молодых». Следует отметить выдающуюся роль в деле победы новых методов работы над старыми так же, как и в деле революционного воспитания Сталина, которую сыграл тогда в Тифлисе тов. Курнатовский, ближайший сорат-

ник Ленина и первый насадитель ленинских идей в Закавказье.

Волна экономических забастовок по всему Тифлису

в 1900—1901 году и известная майская политическая демонстрация в центре Тифлиса приводят к разгрому Тифлисского Комитета. Обыск у Сталина в 1901 году и по-

том ставшее известным распоряжение охраны об его аресте заставляют его перейти на нелегальное положение. С этого времени Сталин становится профессиональным революционером подполья и остается в подполье вплоть до Февральской революции 1917 года, работая под революционными кличками «Давид», «Коба», «Нижеградзе», «Чижилов», «Иванович», «Сталин».

В конце 1901 года Сталин переезжает в Батум, основывает там Батумский комитет РС-ДРП, руководит забастовками на заводах Ротшильда и Монташева и организует известную политическую демонстрацию рабочих в феврале 1902 г. В марте 1902 года Сталина арестовывают в Батуме и, продержав его в тюрьме до конца 1903 года, высылают на три года в Восточную Сибирь, в Балаганский уезд, Иркутской губернии, в село Новая Уда.

Через месяц по прибытии на место ссылки (январь 1904 г.) Сталин бежит из ссылки, приезжает в Тифлис и ведет работу в качестве члена областной организации Закавказья, называвшейся тогда Закавказским Союзным Комитетом. Работа Сталина за период 1904—1905 годов проходит под флагом ожесточенной борьбы с меньшевизмом. Сталин систематически объезжает районы Закавказья (Батум, Чиагуры, Кутаис, Тифлис, Баку), ведет устную и печатную дискуссию против меньшевиков, а также против эсэров, анархистов, националистов. Еще в 1903 году, сидя в тюрьме и узнав от приехавших со II съезда партии товарищей о серьезных разногласиях между большевиками и меньшевиками, Сталин решительно примыкает к большевикам. По возвращении из ссылки, когда борьба между большевиками и меньшевиками приняла острый характер, Сталин становится во главе закавказских большевиков, руководит большевистским нелегальным органом «Борьба Пролетариата» (1905 г.) и принимает активнейшее участие в деле организации III съезда большевиков. «Октябрьский манифест» 1905 года застает Сталина в Тифлисе в разгаре борьбы за большевистские лозунги революции. К этому периоду относится брошюра Сталина «Вкратце о партийных разногласиях» (на грузинском языке). В конце 1905 года Сталин уезжает в качестве делегата от закавказских большевиков на общерусскую большевистскую конференцию в Таммерфорсе (Финляндия), где он окончательно связывается с Лениным.

1906 год. Период разгрома революции 1905 года, период выборов в «новую» Думу и подготовки к Стокгольмскому съезду партии. Большевики—за бойкот Думы. Борьба между большевиками и меньшевиками разгорается с новой силой. На сцену выплывают анархо-синдикалистские элементы. Они особенно начинают шуметь в Тифлисе. Сталин—в центре борьбы со всеми этими антипролетарскими течениями в Закавказье. К этому периоду относится легальная большевистская ежедневная газета «Дро» («Время») в Тифлисе, выходившая под руководством Сталина. К этому же времени относится серия больших статей Сталина на грузинском языке—«Анархизм и социализм». На Стокгольмском съезде (1906 г.) Сталин фигурирует в качестве делегата от большевистской части Тифлисской организации под кличкой «Иванович».

С 1907 года начинается бакинский период революционной деятельности Сталина. Вернувшись с Лондонского съезда партии, куда он был делегирован большевистской частью Тифлисской организации, Сталин оставляет Тифлис и обосновывается в Баку, где ведет лихорадочную работу по сплочению бакинской организации вокруг лозунгов Лондонского съезда партии. Здесь Сталин руководит нелегальным большевистским органом «Бакинский Рабочий», с успехом организует борьбу по вытеснению меньшевиков из рабочих районов Баку (Балаханы, Биби-Эйбат, Черный город, Белый город), руководит большой кампанией по совещанию и заключению коллективного договора между рабочими и нефтепромышленниками и добивается в конце-концов полной победы большевизма в рядах бакинской организации. С этого времени Баку превращается в цитадель большевизма.

В марте 1908 года Сталина арестовывают и после восьми месяцев тюремного заключения высылают на три года в Вологодскую губернию, в Сольвычегодск. Спустя несколько месяцев Сталин бежит из ссылки и возвращается в Баку на нелегальную работу.

В 1910 году вновь арестовывают Сталина и спустя

несколько месяцев сидки отправляют обратно в ссылку в Сольвычегодск.

В 1911 году Сталин вновь бежит из ссылки и по поручению ЦК партии обосновывается на этот раз в Питере. С этого времени начинается питерский период революционной деятельности Сталина. Но недолго пришлось работать Сталину в Питере. Его вновь арестовывают и водворяют в ссылку в Вологду.

В конце 1911 года Сталин вновь бежит из ссылки в Питер, где он ведет руководящую работу в питерском подполье. В 1912 году Сталин—член ЦК партии, избранный заочно на известной конференции партии в Праге. Сталин объезжает по поручению ЦК важнейшие районы России, ведет подготовительную работу к очередной «маевке», руководит «Звездой» в дни ленских забастовок и принимает руководящее участие в деле основания «Правды».

В апреле 1912 года Сталина вновь арестовывают и спустя несколько месяцев сидки высылают в Нарымский край на четыре года. Сталин бежит из ссылки летом того же года в Питер, уезжает потом в Краков к Ленину, участвует в известном совещании большевиков в Кракове в конце 1912 года и возвращается потом в Питер, где ведет работу по руководству большевистской частью думской фракции и большевистскими органами—«Звезда» и «Правда». К этому периоду относится брошюра Сталина «Марксизм и национальный вопрос».

Весной 1913 года вновь арестовывают Сталина и высылают через несколько месяцев в Туруханский край. 1913—14—15—16 гг. Сталин проводит в туруханской ссылке, в селе Курейка.

После Февральской революции 1917 г. Сталин возвращается в Питер и участвует в руководящей работе партии в качестве члена ЦК. На апрельской общерусской конференции большевиков, когда обнаружились в партии два течения, Сталин решительно отстаивает позицию Ленина. В мае 1917 года, после конференции учреждается Политбюро ЦК, куда Сталин выбирается в качестве его члена. С тех пор и до настоящего времени Сталин остается членом Политбюро ЦК. Весь период подготовки Октябрьского восстания Сталин работает в полном единении с Лениным. В период корниловщины, в период демократического совещания и предпарламента, в период прямой организации восстания в октябре 1917 года, наконец, в период споров об организации «однородно-социалистического правительства» на другой день после Октября,—во все эти периоды подготовки и упорочения Октября, когда колебания одной части партии (Каменев, Зиновьев) грозили срывом всему делу, Сталин неизменно оставался ближайшим помощником и единомышленником Ленина. За период после июльской демонстрации вплоть до октября, когда Ленин находился в подполье, Сталин являлся фактическим руководителем центрального органа партии («Рабочий и Солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий Путь» и т. д.). Вместе с Я. Свердловым, Сталин руководил работами заседавшего полулегально VI съезда партии. В октябрьские дни ЦК выбирает Сталина членом «пятерки» (коллектив для политического руководства восстанием) и членом «семерки» (коллектив для организационного руководства восстанием).

С 1917 г. Сталин—член ЦИК Советов. С 1917 по 1923 год Сталин состоит народным комиссаром по делам национальностей, а с 1919 по 1922 г.—народным комиссаром Рабоче-Крестьянской Инспекции. С 1922 г. Сталин—один из секретарей ЦК партии, в каковой должности остается он и теперь. С 1925 г.—член Президиума Исполкома Коминтерна.

Период гражданской войны Сталин провел по преимуществу на фронтах. 1918 год (весна и лето) Сталин работает на Царицынском фронте, организуя совместно с Ворошиловым и Мухоморовым оборону Царицына от войск Краснова. В конце 1918 года Сталин инспектирует совместно с тов. Дзержинским фронт III армии в районе Перьми, всеми мерами содействуя приостановке нашего отступления. Весной 1919 года Сталин работает на Питерском фронте, организуя наше наступление против первого наскока Юденича на Питер. Летом 1919 года Сталин работает на Западном фронте, в Смоленске, организуя отпор польскому наступлению. Зимой 1919 г. Сталин ведет работу на Южном фронте против войск Деникина, оставаясь там вплоть до разгрома Деникина и занятия нашими войсками Ростова и Одессы. В 1920 году Сталин ведет работу на Юго-Западном (антиполь-

ском) фронте, принимая непосредственное руководящее участие в деле прорыва польского фронта в районе Житомира, освобождения Киева и продвижения наших войск к подступам к Львову. В том же 1920 году Сталин ведет работу по обороне юга Украины от наступления Врангеля. С 1920 по 1923 г. Сталин состоит членом Революционного Военного Совета Республики. За военные заслуги имеет орден Красного Знамени.

В 1923—1924 гг. Сталин руководит борьбой партии с троцкистской оппозицией, затем с так называемой «ленинградской» (Каменев, Зиновьев) и объединенной оппозицией 1925—27 гг., разоблачая их антиленинскую, оппортунистическую сущность. на XIV съезде партии (1925 г.) Сталин, развивая основные идеи Ленина, выдвигает лозунг индустриализации страны в качестве центральной задачи партии. В реконструктивный период XV съезда (1927 г.) партия под руководством Сталина совершает решительный поворот в сторону коллективизации сельского хозяйства и развернутого социалистического наступления на капиталистические элементы города и деревни. В 1928 г. Сталин своевременно мобилизует партию и рабочий класс на борьбу с правым уклоном (Бухарин, Рыков, Томский), завершившуюся полным поражением и банкротством правой оппозиции. На всех этапах этой борьбы на два фронта, которую ведет партия, Сталин последовательно, с железной настойчивостью и твердостью, с исключительной проницательностью отстаивает ленинскую политику партии от попыток ее ревизии и атак на нее, не допуская ни малейших уступок ревизионизму и оппортунизму, под каким бы флагом они ни выступали, как внутри партии, так и в рядах Коммунистического Интернационала.

Сталину принадлежит ряд книг и брошюр: «Вопросы ленинизма», «На путях к Октябрю», «Об оппозиции», «Марксизм и национальный вопрос» и др., в которых Сталин с исключительной ясностью и полнотой освещает важнейшие вопросы ленинизма и, исходя из теории ленинизма, выдвигает конкретные задачи диктатуры пролетариата, а также разоблачает оппортунистическую мелкобуржуазную сущность троцкизма и правого уклона.

В эти годы, последовавшие за смертью Ленина, Сталин, наиболее выдающийся продолжатель дела Ленина и его наиболее ортодоксальный ученик, вдохновитель всех главнейших мероприятий партии в ее борьбе за построение социализма, стал общепризнанным вождем партии и Коминтерна.

К изменению и дополнению ГПК.

Всякое изменение и дополнение закона имеет, конечно, своей целью внести нечто новое, улучшающее закон. Утвержденные же на днях Президиумом ВЦИК изменения и дополнения ГПК имеют еще особое значение.

Заключается оно в том, что эти изменения и дополнения как в количественном, так и в качественном отношении дают право говорить о новых принципах, если не во всем процессе, то во всяком случае в некоторых основных его частях. Они имеют своей целью ускорить темп работы судов, еще большее приближение суда к населению, рационализацию процесса, устранение излишних формальностей и, само собой понятно, борьбу с бюрократизмом и волокитой. В настоящей статье мы останавливаемся лишь на основных моментах изменений ГПК, заслуживающих особого внимания, поскольку они вносят принципиально новое по сравнению с тем, что было до настоящего времени.

Изменена и расширена подсудность народного суда. Сделан значительный шаг вперед, после которого уже немного остается для превращения народного суда в суд, разбирающий все гражданские дела. В самом деле, по новому закону на суду подсудны все дела до 5.000 руб., кроме того, независимо от цены иска дела: а) алиментные; б) иски, вытекающие из трудовых отношений; в) иски о возмещении вреда, причиненного

смертью, увечьем или иными телесными повреждениями, а также по искам органов соцстраха в порядке обратного требования (регрессе); г) иски о квартирной плате и за пользование коммунальными услугами, а равно о взыскании за пользование нежилыми помещениями или торгово-промышленными предприятиями в тех случаях, когда по закону эти взыскания по исполнительным надписям не допускаются; д) иски о семейно-имущественных разделах, в том числе о разделах имущества крестьянского двора (без земли); е) по искам, основанным на документах, взыскание по которым может производиться по исполнительной надписи нотариальной конторы, либо иного органа, выполняющего нотариальные действия, в тех случаях, когда за пропуском установленного законом срока дело подлежит разрешению в общесудебном порядке. Если после этого учесть, что все дела внутри общесудебного сектора, за некоторыми исключениями, подсудны АК, то совершенно ясно, что подсудность окр. и обл. (край) судов ограничена очень незначительным количеством дел. Их роль должна в дальнейшем быть в основном инструкторско-ревизионной. Закон предоставляет, однако, окр., край- (обл.) и Верхсуду право изъять любое дело из подведомственных им судов и принять к своему производству, а равно дает право край- (обл.) и Верхсуду изъятые дела передать для рассмотрения в другой округ или обл. (край) суд. Это право вышестоящих судов изменять подсудность имеет то значение, что оно обеспечивает в исключительных случаях возможность рассмотрения более квалифицированным судом тех отдельных дел, которые имеют особое государственное или общественное значение. Но, с другой стороны, вышестоящие суды в отдельных случаях имеют право из числа дел, остающихся все еще в их подсудности, передавать дела подведомственным судам, в том числе и на суду, если этого требуют интересы дела, например, местонахождения сторон, свидетелей и т. д. В целях устранения волокиты и злоупотребления подсудностью закон (ст. 33-а) устанавливает общее правило, что дело, принятое каким-либо судом к своему производству с соблюдением правил о подсудности, должно быть разрешено по существу этим судом, хотя бы во время разбора дела выяснилось, что это дело подсудно другому суду, в частности в виду увеличения или изменения цены иска или же в виду заявления встречного иска, меняющего подсудность такого дела. Это правило, однако, не умаляет право суда передать дело в другой суд по мотивам, изложенным в 103 ст. ГПК.

Уничтожена также волокита с делами, в которых стороной является сам суд. Как известно, до настоящего времени в этих случаях необходимо было дело переслать в Верхсуд и уже последний решал вопрос о передаче дела в другой суд и какой.

Ст. 31-а ГПК устанавливает следующее правило: если в деле стороной является суд, дело самим судом передается в ближайший соответствующий суд — и то лишь в том случае, если об этом просила другая сторона до первого по делу заседания. В самом деле, если в этих случаях другая сторона доверяет разбор спора данному суду, то незачем пересылать куда-то дело.

При возбуждении же вопроса в передаче дела в другой суд надо об этом заявить до первого заседания. Расширено также правило, изложенное в примечании к ст. 25-а ГПК, в том смысле, что и иски о возмещении вреда, вернее об увечьи, можно предъявлять по месту жительства истца.

Особо заслуживает внимания новая ст. 35-а и изменения 43 ст. ГПК. В этих статьях ограничиваются категории лиц и дел, освобождаемых от судебных пошлин, в частности для государственных учреждений и предприятий, содержащихся на общесоюзные, республиканские и местные средства в сметном порядке, а равно для действующих на хозрасчете коммунальных предприятий общего пользования, обслуживающих здравоохранение и благоустройство населенных мест (канализация, ассенизация, водоснабжение, освещение и т. п.) и эксплуатируемых органами коммунального хозяйства без сдачи в аренду—устанавливается судебная пошлина, но в пониженном размере, 1%, конечно, с надбавкой столько же в местные средства. Такой же размер пошлины устанавливается по искам профессиональных организаций и их объединений, конечно, если эти иски вытекают из их хозяйственной деятельности, но отнюдь не по искам, когда они выступают как представители интересов объединяемых ими трудящихся.

Это мероприятие является одним из средств борьбы с предъявлением как совершенно необоснованных исков, так и исков, раздутых до неимоверных размеров.

Из других мероприятий, имеющих своей целью борьбу с волокитой, следует указать на следующие изменения и дополнения:

а) 45 ст. ГПК дополнена 2-м абзацем, дающим право суду, исходя из социального и материального положения сторон, возложить взнос средств, необходимых для оплаты расходов по экспертизе, как на обе стороны, так и на одну из сторон, независимо от того, по чьей инициативе экспертиза назначается, и в случае уклонения от вноса этих сумм суд может их взыскать принудительно.

В связи с этим следует также указать на дополнение ст. 152 ГПК, имеющее, по нашему мнению, исключительное значение не только с точки зрения упрощения процесса, но и с точки зрения экономии средств. Этот закон устанавливает правило, на основании которого суд может вынести решение без назначения экспертизы в двух случаях: 1) если в составе самого суда имеются лица, обладающие достаточными познаниями для разъяснения специального вопроса; 2) если производство экспертизы нецелесообразно или невыгодно с точки зрения соотношения цены иска и стоимости экспертизы, в последнем случае суд выносит решение на основании всех прочих имеющихся в деле материалов.

В самом деле, почему нарзаседатель, например, квалифицированный рабочий-строитель, не может разъяснить суду вопроса по делу, если идет спор по договору подряда о постройке здания, в этом случае нет необходимости в вызове специального эксперта. Точно также совершенно понятным будет отказ в назначении экспертизы, если ее стоимость равна или превышает цену иска.

б) 46 ст. дополнена 2-м примечанием. Оно дает право суду возложить ответственность за потерю рабочего времени в соответствии с средним заработком, но не иски, или когда ответчик недобросовестно спорит против заявленного иска. В этом случае независимо от присужденных судебных пошлин и др. расходов по делу, суд может обязать виновную в таком недобросовестном использовании своих процессуальных прав сторону уплатить другой стороне за потерю рабочего времени в соответствии со средним заработком, но не свыше 5% присужденной или отклоненной суммы. За-

кон говорит, что суд может, это не значит, что он обязан это сделать во всех случаях. Он должен пользоваться этим орудием борьбы с сутяжниками. Как исключительная мера, она и должна применяться в исключительных случаях.

в) До сих пор в ГПК не был ясен вопрос, куда и как можно жаловаться на решение суда о наложении разного рода штрафов, предусмотренных ГПК, ныне введена ст. 52-а, устанавливающая, что заявление о снятии штрафа подается в тот же суд, определение которого по этому вопросу является окончательным и обжалованию не подлежит.

г) Изменена также ст. 78 ГПК по вопросу о копиях искового заявления и приложений к нему. Поскольку в нарсуд передаются почти все гражданские дела, то совершенно понятно, что ему придется разбирать и такие дела, когда без посылки копий производственных бумаг ответчику, суд вынужден будет откладывать дело слушанием. Поэтому в новой редакции закон предоставляет право нарсуду в зависимости от сложности дела обязывать истца представить копию для ответчика. Таким образом, не от цены иска, не от внешнего признака зависит необходимость представления копий производственных бумаг, а от существа дела, и это должен установить судья, принимающий исковое заявление.

д) Изменением ст. 114 уничтожена легальная возможность волокиты, по п. «а» прежней редакции стороны могли просить суд о приостановлении производства, обычно это делалось под видом мирных переговоров. Лишне доказывать, что это вело только к затягиванию процесса.

Если стороны не могли договориться до суда и на самом суде, то суд должен решать дело, а не устраивать для сторон «мирных конференций», поэтому пункт «а» ст. 114 исключен. Таким образом, один только случай дает право суду, если он найдет это нужным, приостановить производство, а именно призыв одной из сторон в Красную армию или для отбывания какой-либо обязательной повинности.

Кстати следует отметить, что суды часто смешивают свое право по 114 ст. ГПК приостанавливать производство с своей обязанностью это сделать во всех случаях, когда одна из сторон призвана в действующую Красную армию (ст. 113 ГПК), это две различные вещи.

е) Изменением ст. 111 ГПК устранено, во-первых, различие, существовавшее между уголовным и гражданским процессом в смысле составления протоколов судебного заседания, а также и при совершении отдельных действий, во-вторых, что гораздо важнее, устранена излишняя формальность, подпись на протоколе свидетелей, сторон и нарзаседателей.

Это несколько не гарантировало правильности составления протокола, но зато снимало ответственность с председателя и секретаря. По новой редакции 111 ст. ГПК на протоколе должны быть только подписи судьи и секретаря.

ж) Некоторым изменением ст. 177 ГПК вносится упорядочение в вопрос о порядке вынесения решения. Очень часто мы могли встретиться в суде с такого рода явлением: разобрав дело, судья заявляет «зайдите денька через три, узнаете результаты». В лучшем случае судья торжественно оглашает: «в порядке ст. 177 ГПК решение откладывается на 3 дня». Доказывать вред таких явлений не приходится, следует, однако, иметь в виду, что циркулярная борьба с такого рода

явлением особых результатов не дала. Поэтому закон (новая редакция 177 ст.) обязывает суд немедленно вынести решение по всем делам и только в совершенно исключительных случаях он может отложить на три дня объявление мотивированного решения, но при этом резолюцию, т. е., что он решил, суд обязан объявить в том же заседании, когда дело закончилось слушанием.

з) Закон, ст. 182 ГПК дает право суду, исходя из имущественного положения сторон и обстоятельств дела, устанавливать порядок исполнения решения, при чем суд может предоставить ответчику рассрочку и отсрочку. Однако, жизнь показала, что очень часто после вынесения решения выявляются такие обстоятельства, которые требуют иного порядка исполнения решения или же новых отсрочек и рассрочек.

Пленум Верховного суда разъяснил, что право отсрочки и рассрочки предоставлено суду и после вынесения решения. Новый абзац к ст. 182 узаконяет это разъяснение Верховного суда и предоставляет право суду также изменить порядок исполнения решения. Следует при этом отметить, что определения суда по этим вопросам окончательны и обжалованию не подлежат. Не останавливаясь на целом ряде других изменений, нам хотелось бы в дальнейшем перейти к узловым пунктам процесса.

Первое—это установление совершенно нового института—предварительной подготовки дела к слушанию. Если до сих пор суд мог только по просьбе стороны разрешать очень ограниченный круг вопросов, имеющих целью собрать материал для дела, (ст. 80 ГПК), то ныне закон обязывает судью, прежде чем внести дело в судебное заседание, заняться «предварительным расследованием». Этим должен быть разрешен раз и навсегда вопрос об откладывании дела. Мы, конечно, не думаем, что установленный ныне порядок (смотри ст.ст. 80, 80-а, 80-б, 80-в) нас совершенно избавит от необходимости отложения дела для собирания нового материала. Мы видим, что и в уголовном процессе, где существует предварительное следствие и специальное наблюдение за ним в лице прокуратуры, суд иногда вынужден откладывать дела для доследования. Однако, досудебная подготовка дел нанесет сильный удар по волоките в гражданских делах.

Суд при приеме искового заявления должен не вносить его механически в судебное заседание, как это делалось до сих пор, а выяснить путем опроса истца и вызова в нужных случаях ответчика, какие нужны доказательства и материалы и принять меры к их истребованию. В частности, он должен разрешить вопрос о вызове свидетелей, произвести, если это необходимо, местный осмотр и экспертизу, привлечь других участников процесса, известить, когда это требуется, заинтересованные госучреждения и прокуратуру и т. д.

Роль единоличного судьи, право его совершать процессуальные действия значительно расширены, он имеет теперь право совершать единолично все действия, предусмотренные ст.ст. 31, 37, 43, 44, 51, 52, 113, 114, 139, 147 и 173 ГПК, при чем все его определения как по этим статьям, так и по всем вопросам предварительной подготовки дела не могут быть обжалованы отдельно от кассжалобы.

Таким образом, судебное заседание должно свестись к действительному рассмотрению дела по существу, т. е. кроме доклада по делу, суд заслушивает в том же первом заседании показания свидетелей, в осо-

бых случаях устные объяснения эксперта, и, наконец, объяснения сторон. При этом, если бы в судебном заседании выяснилась бы все же необходимость отложить дело, то новая редакция ст. 107 ГПК обязывает суд допросить явившихся свидетелей, при чем вторичный вызов свидетелей в судебное заседание допускается только в исключительных случаях по специальному определению суда. Таким путем будет положен конец тому явлению, когда трудящиеся бесцельно отрывались от производства. Надо только еще довести вызов свидетелей до минимума, помня всегда, что это является накладным расходом на производство и на государственственный аппарат.

Если же судья признает, что представленный материал достаточен, что предварительная подготовка излишня, он вносит дело в судебное заседание.

Второе—окончательное разрешение некоторых дел в нарсуде без права обжалования. Каковы же эти дела? Ст. 235-б устанавливает, что обжалованию не подлежат и вступают в силу немедленно решения по делам, цена иска которых не превышает 25 руб. Кроме того, не подлежит кассационному обжалованию ответчиком решение, по которому с него присуждено не более 25 руб. или по которому ответчик иск признал как в основании, так и в размере, при условии соблюдения судом правил об утверждении мировых сделок. Здесь следует иметь в виду, что по делам, цена иска которых не превышает 25 руб., решение не может быть обжаловано ни истцом, ни ответчиком. По делам же, где иск был заявлен на большую сумму, а суд присудил только 25 руб., а равно когда ответчик признал иск, право жаловаться все же остается, но только за истцом, ответчик же не имеет права подачи кассжалобы.

Самый срок подачи кассжалобы значительно сокращен. В новой редакции (ст. 238) установлен единый для всех судов [нар., окр. и обл. (край) кассационный срок] в десять дней. Новым вторым абзацем к ст. 238 ГПК категорически запрещено применять правило примечания к ст. 81 ГПК к кассжалобам, ведь это до сих пор служило легальным основанием к продлению срока на обжалование и тем самым отсрочке исполнения решения.

Третье—в новой редакции ст.ст. 245 и 246 и сл. внесена ясность в вопросе о том, чем является наша высшая инстанция. Эта ясность нужна еще и потому, что, как мы отметили вначале, почти все дела передаются нарсуду, а по окончании проводимого ныне опыта нарсуду будут, повидимому, окончательно переданы все гражданские дела, так как по имеющимся данным опыт можно считать удавшимся. Следовательно, высшая инстанция, в частности окрсуд, не может быть чисто кассационной инстанцией и только рассматривать отдельные дела в кассационном порядке. Кассационный суд должен быть в первую очередь ревизионно-инструкторской инстанцией.

Поэтому совершенно правильно ст. 246 указывает, что высшая инстанция рассматривает дела в кассационно-ревизионном порядке, при чем ревизионный порядок рассмотрения дела не зависит от желания суда, как это было до сих пор, а суд обязан каждый раз рассмотреть дело в ревизионном порядке (ст. 245). При этом при наличии дефектов в разборе дела суд может и не отменять решения, но он может и обязан вынести определение с указанием суду на допущенные им ошибки «в целях устранения их в дальнейшей судебной практике» (ст. 246). Это вытекает также и из другой части той же статьи, что «ни одно правильное

по существу решение не может быть отменено по одним лишь формальным соображениям». «Минимум формы, максимум классового существа» — вот лозунг, под которым прошло 2-е судебное-прокурорское совещание, этим на ближайший период времени должно определяться существо нашей работы, но это не значит, что можно пренебречь всякой формой. Минимум необходимой формы, но не формализма суды должны соблюдать, поэтому высшая инстанция, не отменяя правильного по существу решения, должна указывать суду на допущенные им нарушения формы, которые могли бы повлиять на правильное решение дела. Вместе с тем суд высшей инстанции должен будет теперь обратить внимание также и на то, как проведен процесс, как суд первой инстанции усвоил вопрос о предварительной подготовке дела и правильно ли использовал эту форму.

Само собой понятно, что в отличие от прежнего порядка суд высшей инстанции должен теперь не оставлять кассжалобу без последствий, а утвердить решение суда первой инстанции, или, как говорит закон, оставить его в силе. Дело, конечно, здесь не в одной формулировке, а в существе. Оставляя кассжалобу без последствий, можно ограничиться «штампом», при чем надо сказать, что суды за последнее время часто злоупотребляют «штампом», но утверждая решение, при рассмотрении дела в ревизионном порядке с целью инспектирования, «штамп» как орудие производства в суде должен все меньше и меньше фигурировать, а может было бы целесообразнее совершенно изъять его из употребления.

Следует также обратить внимание на то, что внесена значительная ясность в вопрос о праве суда изменять решение суда первой инстанции.

Кроме того, следует отметить, что порядок извещения сторон о дне рассмотрения дела в высшей инстанции, установленный циркуляром НКЮ, ныне узаконяется новой редакцией 242 ст.

Четвертое: совершенно новый порядок установлен для рассмотрения частных жалоб (ст. 249). На определения, выносимые единолично судьей, жалоба подается в тот же суд для рассмотрения ее с участием нарзаседателей и дальнейшему обжалованию не подлежит. Определения, выносимые нарсудом с участием нарзаседателей, могут быть обжалованы в окрсуд, где они рассматриваются в кассационном отделе. Определения же, выносимые окр. и край (обл.) судом по первой инстанции, могут быть обжалованы не в высшую инстанцию, а в тот же суд по кассационному отделению. Этот порядок рассмотрения частных жалоб уничтожает, конечно, значительную волокиту и возможность затянуть рассмотрение дела по существу. Кроме того, уточнены случаи, когда именно частная жалоба может быть подана, при чем срок для подачи жалобы установлен также 10-дневный, а в тех случаях, когда подается жалоба на определения, вынесенные единолично судьей, то она должна быть подана во всяком случае не позже дня слушания дела по существу.

Пятое: в разделе о пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам расширен круг тех лиц, которые могут возбуждать этот вопрос, кроме сторон и Прокурора Республики, это право предоставлено также Председателю Верховного суда, председателям край (обл.) и окрсудов и обл. (край) и окрпрокурору (ст. 252). Во-вторых, право пересмотра решения по основаниям, указанным в п.п. «б» и «в» ст. 251 ГПК, предоставлено непосредственно тому суду, который вынес решение.

Нет надобности доказывать рациональность этой меры. И только в одном случае, когда открылись новые обстоятельства, имеющие существенное для дела значение, которые не были и не могли быть известны сторонам (п. «а» ст. 251 ГПК), дело может быть пересмотрено только Верховным судом. Однако и в этот вопрос внесено некоторое упрощение. До сих пор заявлению должно было быть подано в Верховный суд, последний требовал дело и вносил в ГПК для разрешения вопроса о наличии новых обстоятельств.

Практика, однако, показала, что заявители очень часто ссылаются не на новые обстоятельства, а на новые доказательства и тем не менее по закону судебная машина должна была быть пущена в ход, заявление необходимо было внести в судебное заседание. В новой редакции 252 ст. ГПК право решать вопрос о необходимости внесения заявления в судебное заседание предоставлено председателю ГПК Верховного суда. Таким образом, при явном отсутствии новых обстоятельств вопрос решается единолично, в сомнительных случаях или при ясности наличия новых обстоятельств дело вносится в судебное заседание ГПК.

Шестое: в вопросах надзорного производства новый закон внес коренное изменение, устраняющее ту законную волокиту, которая имела место до настоящего времени. Однако, весь надзор концентрирован в одном месте, единственной надзорной инстанцией является Верховный суд по своей Гражданской кассколлегии (ст. 254-б). Уничтожены три лишних инстанции: пленум окрсуда, ГПК и пленум обл. (край) суда. Этим достигается не только сокращение количества инстанций, но надзор превращается в тот исключительный порядок, каким он должен быть на самом деле. Каждое дело должно проверяться один раз в порядке кассжалобы и только в исключительных случаях, когда нарушены интересы государства или трудящихся масс, или же когда по делу требуется дать руководящее указание по принципиальным вопросам, дело может быть пересмотрено в порядке надзора, но это должен делать авторитетнейший орган, Верховный суд, призванный проводить общую судебную политику и руководство всеми судами. Вместе с тем расширяется круг лиц, имеющих право не только требовать дело в порядке надзора, но и непосредственного опротестования решения перед Верховным судом. Ст. 254-а ГПК предоставляет право не только требовать дело, но и приостанавливать решение, кроме лиц, предусмотренных ст. 254 ГПК, также край (обл.) и окрпрокурору, а также председателю край (обл.) и окрсуда, последним только в отношении тех дел, по которым при ревизионном обследовании подведомственных судов обнаружены нарушения, требующие отмены решения. Всем этим лицам закон предоставляет право непосредственного протеста в ГПК Верховного суда. Это, конечно, обязывает со всей серьезностью относиться к своему праву опротестовывать решения. Расширяя круг лиц, имеющих право истребования дела, закон их ограничивает определенным сроком, для местных прокуроров — 3 месяца, для местных председателей судов — 6 месяцев, Народный комиссар юстиции, Председатель Верховного суда и Прокурор Республики сроком не ограничены. Вместе с тем следует отметить, что расширены права ГПК Верховного суда по рассмотрению дел в порядке надзора, ст. 254-б предоставляет право Верховному суду не только отменить и изменить решение, но и вынести новое решение, если не потребуются собирания нового материала, установление фактов принадлежит суду первой инстанции, но на

основании установленных фактов высшая инстанция может прийти к другим выводам, чем пришла первая инстанция и поэтому может вынести новое решение.

Шестое. Некоторые изменения внесены в область исполнения судебных решений. Изменена ст. 284 ГПК, и взыскатель освобождается от представления копии исполнительного листа, а судисполнитель следовательно освобождается от пересылки этой копии должнику. Взамен этого судисполнитель в посылаемой должнику повестке излагает вкратце сущность исполнительного листа, что и кем взыскивается. Изменением 286 ст. ГПК значительно упорядочен вопрос о взыскании присужденных сумм с госучреждений, находящихся на государственном и местном бюджете. В случае неплатежа взыскатель имеет право не только жаловаться в вышестоящие учреждения, но и обращаться в подлежащий финансовый отдел с просьбой внести сумму задолженности в смету должника госучреждения на ближайший бюджетный год. При взыскании же зарплаты и др. приравненных к ней платежей, согласно ст. 266 ГПК, если распорядитель кредита не даст в срок, установленный в ст. 285 ГПК, ответа на вопрос, на какие кредиты можно обратить взыскание, или ответ его будет носить характер намеренного уклонения от платежа, суд может такого распорядителя кредитов привлечь к уголовной ответственности за нарушение законов о труде.

Изменением примечания 2 к ст. 289 ГПК внесена ясность в вопрос о том, в каких пределах и с каких сумм можно взыскивать по исполнительным листам на содержание членов семьи (алименты). В пределах, установленных для взыскания с зарплаты рабочих и служащих, т.-е. в пределах 50% сверх минимума зарплаты, может быть обращено взыскание: а) на суммы, выплачиваемые органами соцстраха при временной утрате трудоспособности, пособия по безработице, пособия по инвалидности (ст. 176 КЗоТ); б) на суммы, выплачиваемые в особо установленном порядке в качестве персональных пенсий лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой; в) на заработок безработных, получаемый на общественной работе и в коллективах безработных; г) на суммы, выплачиваемые кассами взаимопомощи промысловой кооперации в качестве пособия при временной утрате трудоспособности, инвалидности и отсутствии заработка членам промысловых кооперативных товариществ (артелей) и трудовых артелей; д) на пенсии и пособия, выдаваемые органами социального обеспечения.

Внесена новая ст. 291-а, приравнивающая к зарплате рабочих в смысле обращения взыскания по долгам (ст. 288—291), вознаграждение, получаемое членами производственных товариществ (артелей), входящих в систему промысловой кооперации, за работу в общих мастерских, а также вознаграждение, получаемое членами трудовых артелей.

Ст. 271 дополнена примечанием 4-м, чрезвычайно важного характера. Мы до сих пор имели также положение, что батрак очень часто не мог получить зарплату с крестьянского двора даже по исполнительному листу, льготы, установленные для крестьянских дворов в ст. 271 ГПК, лишали возможности рабочего получить зарплату с того двора, в пользу которого он работал.

Новый закон устанавливает правило, при котором для взыскания зарплаты можно обратиться взыскание на любое имущество крестьянского двора.

Наконец, следует указать на изменение 270 ст. ГПК. До сих пор вопрос о жалобах на действия судебного исполнителя был совершенно не ясен. Во-первых, неизвестно было в каком порядке эти жалобы рассматриваются, во-вторых, определения суда по этим вопросам обжалованию не подлежали. Между тем, именно в связи с этими жалобами на суд приходится часто разрешать самые сложные вопросы права и проверка этих определений крайне необходима. Очень часто поэтому приходилось прибегать к такому тяжелому орудию, как надзорный порядок.

Новая редакция ст. 270 ГПК устанавливает следующий порядок: 1) жалобы разбираются единолично судьей с вызовом сторон, если суд найдет это нужным; на определения, выносимые на судей по этим жалобам, могут быть поданы жалобы в кассационное отделение окружного суда.

Вот в основном те изменения и дополнения, которые внесены в ГПК. Этим, конечно, не исчерпываются все возможности упрощения и рационализации процесса.

Опыт, жизнь покажут в будущем, что еще нужно сделать на этом фронте. Необходимо, однако, чтобы судебные работники больше использовали для этого страницы нашего журнала.

С. Абрамов.

План работ НКЮ и его местных органов на 1930 год.

I. Основное направление в работе органов юстиции в 1930 г. должно быть взято на выполнение решений 16 Партконференции и последних съездов советов (VI Всесоюзного и XIV Всероссийского). В разрезе этих решений разработан план НКЮ и директивное письмо для местных органов по составлению плана («ЕСЮ» № 44).

Два года, как НКЮ установил порядок—заблаговременно давать периферийным органам указания о тех задачах, которые стоят перед органами юстиции на ближайший отрезок времени. Эти указания НКЮ необходимо рассматривать, как наметку общих политических и принципиальных задач. На основе этих задач планы местных органов должны быть наполнены конкретным содержанием с обязательным учетом местных условий. Об этом приходится говорить, потому что на местах не всегда умеют увязывать свой план работы с теми политическими и хозяйственными задачами, которые стоят перед страной и, в частности, перед данным краем, областью. Часто план работы одного суда—прокуратуры (скажем, земледельческого) мало чем отличается от плана другого суда—прокуратуры (промышленного). Это в большей степени относится к окружным органам суда и прокуратуры.

Например, Уральский областной суд сообщает: «По поводу планирования работы окружных судов можно сказать, что хотя планы их в основном и отражают проведение директив партии и правительства, однако, не всегда. Часты случаи, когда в плане не находят отражения важнейшие моменты обобщения политики судебных органов по кампанейским долам и вопросы общественно-политической деятельности и руководства работой. Это имеется не только в Уральской области.

По этому поводу в последнем директивном письме НКЮ сказано: «Задачей огромной политической важности является умение в годовом плане работ сочетать организацию основных видов судебно-прокурорской работы с проводимыми политическими кампаниями: хлебозаготовки, посевная кампания, кампания по поднятию урожайности и всеми другими мероприятиями партии и правительства, направленными на закрепление социалистических позиций как в городе, так и в деревне».

Мы имеем и такие случаи, когда некоторые органы юстиции ссылаются на кампании, как на одну из причин невыполнения плановых заданий. Здесь налицо недооценка задач органов юстиции в деле проведения мероприятий, о которых говорилось выше. С другой стороны, имеются органы, которые увлекаются плановостью, превращая план в фетиш, благодаря чему они проглядывают текущие задачи, выдвигаемые жизнью. Вопрос этот уже поставлен в порядке дня. Так, например, ЦКК РКИ, обсуждая свой план работы на 1929—1930 г., отметила: «Никакая работа над выполнением плана не может служить основанием для оправдания недостаточного внимания к проверке исполнения и вопросам повседневным, выдвигаемым жизнью. Ссылку на загруженность плановой работой, как на причину недостаточного внимания, уделенного проверке исполнения,—ЦКК РКИ не может рассматривать иначе, как пустую бюрократическую отговорку».

Громадное значение сейчас приобретает вопрос об ответственности исполнителей за своевременное и полное по качеству выполнение заданий. Качество выполнения у нас страдает из-за формального подхода к выполнению плановых заданий. В погоне за количеством товарищи просматривают качество работы. Обычно в таких случаях материалы на пленумах и камерных совещаниях прорабатывают кое-как, все вопросы проходят без прений; для проработки резолюций создаются комиссии, которые принимают резолюции общего характера. Естественно, что низовые органы мало получают пользы от такой работы. Необходимо добиваться от исполнителей не только своевременности исполнения, но и полной проработки материала и в первую очередь необходимо объявить борьбу всевозможным комиссиям, которые создаются для проработки резолюций. Такие комиссии снимают ответственность с прямых исполнителей, беря на себя за них ответственность.

Как пример этого, можно привести следующий случай. В одной прокуратуре в этом году на камерном совещании обсуждались четыре крупнейших вопроса (о состоянии следаппарата, о состоянии принудработ, о порядке взывания по исполнительным листам с земельного общества и о целесообразности регистрировать протоколы лесничества о лесопорубках), по которым не было принято ни одной конкретной резолюции. Совещание ограничилось избранием четырех комиссий, в которые вошло 14 человек. Избранные комиссии целый месяц прорабатывали резолюции и в конечном итоге последние были общего характера.

Не менее важное значение имеет вопрос о согласовании плана работы с различными ведомствами, с которыми приходится сталкиваться в процессе выполнения плана. По этому поводу НКЮ было дано соответствующее указание. В текущем году эту работу удовлетворительно проделала трудовая прокуратура Республики, которая свой план работы согласовала со всеми профсоюзными объединениями и Наркомтрудом.

Таковы, примерно, наиболее крупные недочеты в

работе органов юстиции по планированию своей деятельности. О них приходится говорить, поскольку очень часто от этого зависит весь ход работы отдельных судебно-прокурорских ячеек.

II. Как мы уже отметили, план НКЮ разработан на основе решений XVI Партконференции и последних съездов советов. В соответствии с этим, в качестве основных задач органов юстиции намечены: а) вопрос организации и проведения плановой проверки фактического исполнения на местах директив партии и правительства, б) вопрос удешевления и улучшения работы судебно-прокурорского аппарата, в) вопрос подготовки кадров.

Проверка исполнения директив партии и правительства сейчас приобретает громадное значение. Тов. Яковлев на XVI Партконференции по вопросу о борьбе с бюрократизмом и волокитой говорил, что директив и законов у нас достаточно, но часто они не выполняются. Осуществление проверки фактического исполнения на местах директив партии и правительства необходимо рассматривать, как метод осуществления революционной законности. XVI Партконференция отметила, что «установление систематической проверки исполнения и соблюдение революционной законности должны явиться важнейшей задачей всех партийных, хозяйственных и советских органов на всех ступенях».

Если посмотреть с этой стороны на план работы НКЮ, то увидим, что в нем, примерно, третья часть плановых заданий отведена вопросам проверки. Особенность плана НКЮ еще заключается в том, что проверка сосредоточена, главным образом, на директивах партии и правительства, относящихся к вопросам проведения генеральной линии партии в области индустриализации страны и реконструкции сельского хозяйства. Сюда относятся такие темы, как «обобщение результатов борьбы органов юстиции с преступлениями в области капитального строительства, с нарушениями принципов контрактации в сельском хозяйстве и национализации земли, с кабальными сделками, кулацким террором и т. п.».

Соответствующее место в плане отведено вопросам защиты интересов батрачества и бедноты, вопросам классовой борьбы в деревне и т. п. Необходимо отметить, что проверка должна проходить не только под углом зрения быстрого и точного исполнения директив, но еще насколько эти директивы в практическом преломлении оказались жизненными. Практически это должно проводиться через группы содействия работе судебно-прокурорских органов и секции советов. НКЮ дал указание о привлечении широких масс трудящихся к проверке фактического исполнения, ставя на их обсуждение (рабочих собраний, сельских сходов) доклады о результатах проверки исполнения, обеспечив при этом проверку трудящимися жизненности директив. Подведению итогов проверки на местах и степени участия в ней трудящихся в плане НКЮ отведена специальная тема.

Одним из методов проверки и контроля со стороны НКЮ являются общие ревизии местных органов юстиции, целевые обследования и отчетные доклады на ревизионных совещаниях руководителей суда и прокуратуры. Это же, в свою очередь, является лучшим методом живого руководства периферийных органов. За последнее время НКЮ, в соответствии с решением VI Съезда работников юстиции РСФСР, значительно усилил живое руководство. В 1930 г. предполагается провести 16 ревизий, 12 целевых обследований и заслу-

шать 12 отчетных докладов по линии суда и прокуратуры.

Характер ревизий за последний год изменен. Вместо всестороннего обследования работы с точным фиксированием ее состояния, взята установка на производство ревизий по наиболее важным моментам работы суда и прокуратуры с выяснением того, насколько эти органы правильно выполняют политические задачи, стоящие перед ними. Изменены совершенно методы ревизии. Сейчас к каждой ревизии на местах привлекается общественность и печать. Проверка работы суда и прокуратуры проходит через общие собрания рабочих и крестьян. Такой порядок ревизий целиком себя оправдал.

Вопрос об улучшении работы госаппарата, в том числе и судебно-прокурорского, на данном этапе является особо важной задачей. XVI партконференция отметила, что сейчас, когда проводится ускоренный темп индустриализации и когда приступлено к делу социалистической перестройки сельского хозяйства, к качеству работы всего госаппарата предъявляются новые требования. Сейчас борьба партии и советов с бюрократическими извращениями госаппарата становится одной из важнейших форм классовой борьбы. О недостатках в работе органов юстиции можно привести много примеров, но дело не в примерах. Каждый работник суда и прокуратуры отлично знает, что недостатки в работе наших органов имеются. Вопрос сводится к тому, как лучше поставить работу по налаживанию аппарата. Улучшение работы в первую очередь должно идти по линии усиления борьбы с бюрократизмом и волокитой в собственном аппарате.

Вторая задача заключается в удешевлении работы аппарата, в максимальном приближении его к населению и в упрощении процесса. НКЮ в своем директивном письме особо подчеркивал необходимость жесточайшей борьбы с волокитой, бюрократическими извращениями и засоренностью аппарата классово-чуждым элементом: «должно раз навсегда покончить с тем положением, что вскрытие наших язв является только делом партии и печати, а наши органы, разбухшие их криками, с недоуменным видом выполняют лишь подсобную работу—подчищают, в то время, когда выявление этих язв является главной задачей наших органов».

Когда мы говорим об улучшении работы аппарата, то должны иметь в виду, что эта работа меньше всего должна вестись аппаратным путем. Поголовное вовлечение работников суда и прокуратуры и организации вокруг этих вопросов общественности (печать, секции и т. д.) являются лучшим методом работы по улучшению аппарата.

НКЮ указал на необходимость постановки контроля за выполнением предложений производственных (эконом.) совещаний и разработки поощрительных мер в деле рационализации и удешевления работы аппарата. Значение последнего рода мероприятий до сих пор у нас недооценивалось. Между тем, к этому у нас возможности имеются. Некоторые суды уже практикуют за счет экономии средств по административно-управленческим расходам, полученной в результате рационализации, предоставление дополнительных отпусков сотрудникам, направление их в дома отдыха, выдачу премий и продвижение на высшие должности.

Особо необходимо отметить рекомендуемое НКЮ мероприятие подведения итогов проделанной работы по линии рационализации аппарата, путем созыва местными профсоюзными объединениями производ-

ственных конференций сотрудников суда и прокуратуры. Практика показывает, что такие конференции дают громадную пользу.

К числу недостатков следует отнести отсутствие постоянного учета опыта рационализаторских работ. Сейчас мы имеем целый ряд достижений в отдельных ячейках суда и прокуратуры, которые повсеместно не используются за отсутствием надлежащего учета и информации. Бывают случаи, когда отдельные участки суда или прокуратуры проводят опыт по улучшению работы аппарата, совершенно не зная, что этот опыт проводился уже в соседнем участке и оказался нежизненным. С другой стороны, достижения одного участка не реализуются другими.

С 1930 г. организационно-инструкторское управление НКЮ ставит своей задачей обобщение такого опыта в пределах Республики с последующим изданием информационного письма по рационализации аппарата. Несомненно, что такую же работу должны проводить и областные и даже окружные органы юстиции.

Особо стоит вопрос о привлечении к делу улучшения работы аппарата административно-правовых секций советов. Здесь у нас не все благополучно. Мы имеем два наиболее типичных недостатка в работе секций: или их ставят на аппаратный путь, благодаря чему они из секции общественного контроля превращаются в аппаратный придаток, или же, вместо массового участия судебно-прокурорских работников, в работе секции имеется только ведомственное представительство отдельных, специально выделенных для этого лиц. Выделенные товарищи от случая к случаю посещают заседания административно-правовых секций. Повседневной органической увязки суда и прокуратуры с секциями не имеется. НКЮ предполагает в 1930 г. еще раз обобщить работу административно-правовых секций в разрезе участия органов юстиции в работе этих секций.

Последний вопрос—вопрос подготовки кадров—имеет первостепенное значение. Правильное проведение директив партии и правительства и улучшение работы аппарата целиком зависит от людского состава, от тех работников, которые выполняют эти задачи. В деле подготовки кадров НКЮ в текущем году разработал уже целый ряд практических мероприятий. Эти мероприятия были направлены на организацию резервов, на орабочение аппарата по линии выдвиженчества, на повышение квалификации работников и т. п. (5-летний план по укомплектованию органов юстиции, инструкция о порядке учета и подбора работников, директивное письмо о выдвиженчестве и т. д.). Сейчас в плане НКЮ ставится вопрос о проверке исполнения этих директив. По имеющимся данным сейчас в этом деле на местах еще не имеется решительных сдвигов. Отдельные суды и прокуратуры пока еще не раскатались. Несмотря на децентрализацию учета, подбора и подготовки работников, места буквально заваливаются НКЮ требованиями о командировании работников. Так, например, на 20 октября с. г. в Учраспреде НКЮ было сосредоточено более 600 заявок с просьбой командировать работников. Вместо того, чтобы заняться подготовкой работников на местах, отдельные суды и прокуратуры надеются их получить от НКЮ.

В последнем директивном письме НКЮ категорически предлагает черпать замену работников смелым выдвижением их из низового партактива и рабочих от станка и продвижением низовых судебно-прокурорских работников.

Вопрос о подготовке судебно-прокурорских работников ВУЗ'ами до сих пор в органах юстиции недооценивался. Недооценен он и в пятилетнем плане подготовки работников. Сейчас, когда вопросу подготовки кадров партия уделяет столько внимания, состав учащихся в ВУЗ'ах значительно изменен. И если раньше мы вузовцев принимали, главным образом, в качестве технических и низших ответственных работников (секретари нарсудов, судисполнители, нотариусы, следователи), то сейчас положение должно быть изменено. В текущем году среди студенчества имеется большое количество рабочих и крестьян и среди них много партийцев. Естественно, что ВУЗ'ы могут командировать на судебную работу таких работников, которые по своему социальному положению, партийности, политической и юридической грамотности соответствуют тем требованиям, которые НКЮ предъявляет ко всем работникам. В соответствии с этим, в план НКЮ введена тема «о проверке степени участия органов юстиции в укомплектовании факультетов советского права, об организации и проведении практики, распределении окончивших ВУЗ'ы, изучении условий их работы в органах юстиции, причинах текучести и т. д.».

Сейчас органы юстиции должны тесно увязать свою работу по подготовке кадров с ВУЗ'ами. Органы юстиции, находящиеся в университетских городах, должны будут влиять на подбор учащихся, организовывать для них практику, участвовать в работе квалификационных комиссий и т. п., поскольку в конечном итоге эти учащиеся будут работать по линии суда или прокуратуры.

В заключение необходимо отметить, что выполнение всех работ, которые должны быть проведены в 1930 г., должно быть непосредственно связано с рядом практических мер борьбы с опасностью извращений генеральной линии партии в работе органов юстиции, борьбы с правой опасностью и примиренческим отношением к ней в практической работе, борьбы со всякого рода колебаниями со стороны работников суда и прокуратуры.

За последнее время мы имели целый ряд случаев искривления классовой линии по конкретным делам, которые партийными органами расцениваются, как правый уклон на практике. Изучение наиболее важных дел, в частности, о хлебозаготовках, о политике суда по делам о кулацком терроре и т. п., должно периодически осуществляться каждым органом юстиции. Своевременная проработка выводов на пленумах и совещаниях судебно-прокурорских работников позволит изжить недочеты в работе органов юстиции и правильно осуществлять классовую политику.

Г. Уваров.

Борьба с бюрократизмом и волокитой в судебных органах¹⁾.

Судебное делопроизводство, затрагивая самые широкие слои населения в их насущных правах и интересах, отличается вместе с тем значительной сложностью. Этими обстоятельствами объясняется тот высокий интерес к судебному делопроизводству, который постоянно проявляется в процессе самокритики. Распорядок су-

дебного делопроизводства почти не регулируется процессуальными кодексами, которые не в силах предусмотреть все детали оформления и движения документов. А между тем эти детали, в условиях борьбы с бюрократизмом и волокитой, приобретают исключительное большое значение. Неправильная техника делопроизводства сплошь и рядом вызывает нарекания даже по таким делам, которые по существу разрешаются верно. «Казенный» трафаретный язык судебных постановлений, медлительность производства, трудность наведения справок и многие другие недочеты делопроизводственной техники—все это вместе взятое вызывает справедливое недовольство и роняет авторитет судебных органов. Поэтому следует признать, что судебное делопроизводство является серьезной проблемой, далеко выходящей за стены канцелярий и заслуживающей самого пристального внимания не только со стороны канцелярских служащих, но также и ответственных работников.

В настоящее время нет твердого регламента судебного делопроизводства. Поэтому отдельные вопросы последнего разрешаются в различных органах юстиции различно.

В небольшой статье, конечно, не представляется возможным охватить все спорные вопросы, получающие на практике не единообразное, а подчас и бюрократическое разрешение. Поэтому мы останавливаемся только на трех наиболее своевременных, в условиях борьбы с бюрократизмом и волокитой, темах. Эти темы касаются: 1) трафаретизации судебных документов; 2) мотивировки постановлений и 3) сроков исполнения.

1. Вопрос о трафаретизации судебных документов всегда находился в центре внимания рационализаторских сил местных органов юстиции. Большей частью этот вопрос разрешался двояко. Одни судебные учреждения, в справедливом опасении возможного обезличения документов, заходили слишком далеко, совершенно избегая пользования трафаретами. В результате этого, такие документы, как предложение выслать дело в порядке надзора или напоминание об ускорении производства, писались от руки ответственными исполнителями, сдавались затем для перепечатывания в машинописное бюро, проверялись и лишь затем шли на подпись. Легко понять, сколько лишнего времени, труда и бумаги тратилось при такой процедуре и насколько бы она сократилась, если бы к услугам работников имелись печатные бланки соответствующего трафаретного содержания, в которые следует вставлять от руки лишь № дела, дату и т. п.

Другие органы юстиции, желая механизировать и тем самым сократить работу ответственных работников, прибегали к самому широкому пользованию трафаретами, применяя их и в таких случаях, когда трафаретизация явно неуместна. Например, бывали случаи, когда постановления об избрании мерой пресечения заключения под стражу составлялись на бланках, в которых были заранее напечатаны «в общих чертах» основания заключения под стражу, применительно к ст.ст. 146 и 147 УПК, несмотря на то, что эти же самые статьи требуют индивидуальной мотивировки в отношении каждого подсудимого. При таком порядке сами постановления отличались друг от друга... лишь фамилиями заключенных и тем самым теряли всякое значение. Ясно, что трафаретизация механизмирует работу и тем самым ее облегчает и ускоряет, но не менее ясно также и то, что всякая механизация допустима лишь до тех пор, пока она не ухудшает качества ра-

¹⁾ В виду того, что в настоящей статье затронут ряд интересных практических вопросов, Редакция просит высказаться по существу затронутых вопросов. Редакция.

боты. Нельзя вместе с тем не отметить того в высшей степени неприятного впечатления, которое трафаретные документы производят на лиц, участвующих в деле. Глядя на такой документ, невольно возникает сомнение в том, достаточно ли продумана возможность его применения к данному конкретному случаю и не имела ли здесь места поспешность или небрежность. Отсюда у лица, участвующего в деле, появляется мысль, что с ним поступили бездушно, бюрократически, что никто не дал себе труда разобраться в существе его просьбы или жалобы и что на последнюю отвечают заранее штампованным ответом.

Таким образом, следует прийти к заключению, что вопрос о трафаретизации документов должен разрешаться с большей осторожностью. Расширяя по возможности сферу применения этих документов, надлежит вместе с тем избегать всякого штампования в той области, где речь идет о разрешении просьб и жалоб, получаемых от граждан, а равно и в других случаях оформления решений, затрагивающих их права и интересы. Чувство меры должно подсказать судебному работнику те границы, переходя за которые, трафарет становится не средством, облегчающим работу, но орудием дискредитации судебных органов.

2. Следующий и притом весьма серьезный вопрос судебного делопроизводства касается мотивировки решений, принимаемых органами юстиции. Во многих органах как суда, так и прокуратуры взято за правило не мотивировать принятых решений. В случае, например, отказа жалобщику сообщается кратко: «Ваша жалоба не признана подлежащей удовлетворению», при чем не указываются обстоятельства, принятые во внимание при оставлении жалобы без последствий. Равным образом, и в кассационных определениях отмечается иногда без мотивировки: «За отсутствием поводов кассации жалобу оставить без последствий». Следует самым категорическим образом предостеречь против такого порядка. В целях поднятия авторитета органов юстиции, судебное решение должно не только быть правосудным, но должно и казаться таким, неся на себе отпечаток вдумчивой и добросовестной работы его составителя. Гражданин, получивший немотивированный отказ, испытывает не только чувство огорчения, связанное с неудовлетворением его просьбы. К этому чувству примешивается подозрение в том, что его жалобу рассмотрели наскоро, небрежно, и что разрешение жалобы не основано на законах. Конечно, сплошь и рядом встречаются такие жалобы, неосновательность которых очевидна. В таких случаях некоторые работники считают совершенно излишним мотивировать оставление жалобы без последствий. Но это тоже неправильно. Если неосновательность жалобы очевидна работнику юстиции, то из этого еще не следует, что неосновательность очевидна самому жалобщику. Ведь в последнем случае не было бы и самой жалобы.

В дополнение к сказанному следует отметить, что мотивировка постановлений имеет значение не только для лиц, участвующих в деле. Необходимость мотивировки постановлений дисциплинирует также и работников юстиции, требуя от них вдумчивой и добросовестной работы. Кроме того, при всевозможных ревизиях, при просмотре жалоб во второй инстанции опять-таки бывает весьма важно точно знать, в силу каких обстоятельств состоялось то или другое решение. Поэтому следует признать совершенно справедливым тот взгляд, по которому судебное постановление, не мотивированное надлежащим образом, вовсе не имеет силы судебного акта.

винованное надлежащим образом, вовсе не имеет силы судебного акта.

3. Следующий существенный вопрос судебного делопроизводства касается сроков рассмотрения всевозможных дел. В наших условиях, когда политический смысл рассмотрения дела часто заключается в быстроте его прохождения, правильное разрешение этого наиболее важного вопроса приобретает особое значение. Между тем, сплошь и рядом раздаются нарекания на медленность производства, которая в значительной степени объясняется не только объективными условиями, но также и отсутствием контроля. Вполне очевидно, что система контроля всегда связана с определенными заранее установленными сроками выполнения отдельных операций и что без таких сроков контроль теряет свою реальность. А между тем, у нас сплошь и рядом говорят, что дело движется «быстро» или «медленно», забывая, что понятие о скорости движения есть понятие относительное. Одни жалобы разрешаются в двухнедельный срок, другие—в недельный, третьи—в месячный, и т. п. На вопрос просителя, когда он может получить ответ на свою жалобу, иногда говорят: «Попробуйте заглянуть через неделю». А через неделю оказывается, что жалоба еще не разобрана, надо зайти в следующий раз, а иногда получается и так, что жалоба давно уже разобрана и справка могла быть получена несколько дней назад. Отсутствие твердых сроков для разбора жалоб и дел приводит к тому, что лица, заинтересованные в быстрейшем их разрешении, постоянно находятся в напряженном состоянии, посещают по нескольку раз органы юстиции, назойливо стараясь добиться ускорения производства. Все эти недочеты в технике работы в значительной степени могут быть устранены, если в каждом органе юстиции будет разработанная твердая номенклатура сроков, применительно к которым приурочивается движение дел и система контроля за этим движением. Гражданин, подавший, например, исковую жалобу, должен быть осведомлен о том предельном сроке, в течение которого суд обязан назначить жалобу к слушанию. Это обстоятельство избавит его от просительской роли, которая часто выпадает на его долю теперь, когда органы юстиции большей частью не связаны сроками рассмотрения отдельных документов. С другой стороны, установление твердых сроков будет дисциплинировать исполнителей как самим фактом своего существования, так и той системой контроля, которая будет сопутствовать этому. Если в настоящее время нет особой разницы в том, будет ли жалоба разобрана в 3 дня или в 5 дней, то при твердом 3-дневном сроке каждый лишний день будет учитываться, как просрочка, как недочет в работе данного исполнителя, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Авторитет судебных органов значительно повысится в глазах населения, если будет устранена возможность промедления, которая в настоящее время заставляет заинтересованных лиц тревожиться не только за результаты своего ходатайства, но также и за сроки его разрешения. Удлинение срока производства на 2—3 дня почти незаметно для исполнителя, ему кажется, что тут и не «пахнет волокитой», но те же лишние 2—3 дня могут быть очень тяжелы для «просителя», находящегося в томительном ожидании. Поэтому должны быть приложены все меры к скорейшему движению производств. Непрерывную неделю следует использовать, как благоприятствующий этому ускорению фактор. Само собой разумеется, что к вопросу определения сро-

ков нельзя подходить путем бюрократического навязывания готовых номенклатур из центра. Местные условия необходимо принимать во внимание при оценке реальности тех или других сроков. Следует также иметь в виду, что назначение последних не всегда возможно: иногда производство по жалобе связано с запросами другим учреждениям, за аккуратностью которых прокуратура не может брать на себя ответственности. Назначение определенных сроков должно быть увязано не только с ответственными работниками. Каждый срок, являясь показателем качества работы данного органа юстиции целиком, связывает вместе с тем круговой порукой все его рабочие звенья, начиная с руководителей учреждения и кончая курьерами. Быть может вопрос об ускорении производств повлечет в практике своего разрешения маленькую революцию в канцелярском деле. Тем лучше. Нет сомнения в том, что отмена излишних подписей, переписываний, докладов и передокладов, в частности, путем расширения компетенции и прав отдельных сотрудников и уточнения их ответственности, отразится самым благотворным образом на изжитии медлительности в судебном делопроизводстве. В заключение необходимо отметить, что самый контроль за соблюдением сроков из вспомогательной функции должен быть превращен в основную. Контроль—такая же существенная функция административного аппарата, как и планирование или учет. Поэтому необходимо принять все меры к тому, чтобы во главе контроля стоял руководитель учреждения или его заместитель. Передоверие последними контрольных операций канцелярским работникам, находящимся в служебной зависимости от контролируемых ими лиц, представляет собой явную, хотя и весьма распространенную ошибку, контроль исполнения является прекрасным орудием регулирования темпов работы в руках руководителя учреждения, а между тем, этот контроль, попадая в руки канцелярских работников, вырождается в робкие бюрократические «напоминания». Из сказанного, конечно, не следует, что руководитель органа юстиции должен контролировать исполнение каждой бумаги и выполнять связанную с этим техническую работу. Техника контроля, как и всякая делопроизводственная техника, должна быть безусловно возложена на канцелярских работников. Руководитель учреждения или его заместитель должны заняться более ответственной работой. Их обязанность—установить сроки исполнения, приспособив к этим срокам внутренний распорядок работы в учреждении. Они должны требовать, чтобы канцелярские работники сообщали бы о тех документах, исполнение которых задерживается. Они же должны производить периодические выборочные обследования текущих архивов, в целях выявления сроков прохождения законченных производств. Наконец, при подписании всевозможных документов, являющихся ответами на поступившие письма, надлежит сопоставлять срок поступления письма и отправления ответа. Само собой разумеется, что всевозможные жалобы на медлительность производства и даже обыкновенные напоминания должны докладываться руководителю учреждения, прежде чем попасть на руки тому лицу, у которого дело находится в производстве. Такие жалобы должны расследоваться самым тщательным образом, в целях вскрытия всех причин задержки исполнения. Эти причины могут лежать не только в неаккуратности сотрудников, но также и в недочетах структуры или в неправильном распорядке работы. Устранением этих недостатков можно

добиться ускорения производства не только по данному делу, но и по целому ряду других ему подобных.

В заключение следует указать, что более глубокий контроль исполнения может быть достигнут при систематических ревизиях делопроизводственного аппарата.

Л. Фрадкин.

Как бороться с отложением дел.

На страницах «Ежен. сов. юст.» много раз писалось о том, как бороться с отложением дел, как поставить дело, чтобы гражданский спор разрешался по возможности, как правило, в первом же судебном заседании. Последняя статья по этому вопросу напечатана в № 33 «Ежен. сов. юст.» под заголовком «Нужно бороться с отложением дел». Автор этой статьи тов. Кушнин в качестве лечебного средства рекомендует изменить ст. 100 ГПК, предоставив суду право прекращать дело и в случае неявки сторон в первый раз. Не касаясь сейчас вопроса, насколько необходима и целесообразна рекомендуемая т. Кушным мера, я хочу сказать несколько слов о том, что наш нынешний Гражданский процессуальный кодекс, со всеми разъяснениями Пленума Верховного суда и циркулярами Наркомюста, по моему, дает судье вполне достаточно простора в борьбе с волокитой и весьма вредной затяжкой в производстве дел. Дело только в том, что народные судьи в своем большинстве все еще не раскачались и в борьбе с волокитой не пользуются всеми теми правами, какие им предоставляет ныне действующий закон. Возьмем прежде всего ст. 80 ГПК. Статья эта всем известна и цитировать ее нет надобности. Статья эта предоставляет судье право еще до вызова ответника удовлетворить ходатайство о вызове свидетелей, о выдаче свидетельств на право получения из какого-либо учреждения необходимого для дела документа и т. п. Ст. 80 ГПК начинается словами: «Суд может по просьбе истца...». Я полагаю, что никто не станет спорить о том, что ст. 80 ГПК необходимо толковать не по буквальному ее тексту, а значительно шире. Если в законе сказано «по просьбе истца», это, конечно, не значит, что судья должен произвести те или иные действия исключительно только в том случае, если последует просьба со стороны истца. Такое узкое толкование совершенно недопустимо. Оно противоречило бы основному началу нашего процесса, который требует, чтобы суд по каждому делу проявлял максимум инициативы в достижении материальной истины и в уяснении действительных прав и взаимоотношений тяжущихся. Значит, и слова 80 ст. ГПК—«Суд может по просьбе истца...» надлежит толковать в том смысле, что если для правильного разрешения дела необходимы вызов неуказанных истцом-трудящимся свидетелей, выдача свидетельств и т. п., суд обязан, не ожидая просьбы со стороны истца (трудящегося, конечно), разъяснить этому истцу, что необходимо в целях справедливого разрешения дела. Таким образом, при самом приеме искового заявления, судья должен проявить максимум собственной инициативы в выяснении действительных прав и взаимоотношений истца с ответчиком. При вышеуказанном толковании действительного смысла ст. 80 ГПК, судья, принимая к своему производству дело, не может ограничиться выяснением только таких формальных моментов, как подсудность, пена иска и т. п. Он должен при самом приеме иско-

вого заявления выяснить путем распроса истца, какова сущность его исковых требований, действительно ли ответчиком является то именно лицо, которое указано в заявлении, не следует ли привлечь по делу соответчиков или третьих лиц, какие необходимо представить доказательства, помимо тех, на которые сделана ссылка в исковом заявлении, и т. д. и т. п.

Далее. Согласно циркуляру Наркомюста, изданного еще в 1927 г. (см. циркуляр № 192 от 9 ноября 1927 г.—«Ежен. сов. юст.» № 47 того же года), ст. 80 ГПК судам надлежит использовать в максимальной степени и в отношении ответчиков: до назначения дела к слушанию по существу, судья в зависимости от характера дела может вызвать ответчика и опросить его, признает ли он предъявленный иск правильным, какие имеет возражения и т. д. Но, само собой разумеется, в каждом отдельном деле должен быть проявлен надлежащий подход, диктуемый обстоятельствами данного индивидуального случая. В этом деле не может быть определенного трафарета. Например, из искового заявления явствует, что ответчик-кулак не уплачивает зарплаты батраку. Ясно, что в этом случае о предварительном вызове ответчика не может быть и речи.

Спрашивается, используется ли народными судьями ст. 80 ГПК в полной мере. На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Ст. 80 ГПК до сих пор еще остается без надлежащего применения, она в загопе.

Вся беда в том, что судьями и до настоящего времени не осознано в полной мере, что прием исковых заявлений с максимальным использованием ст. 80 ГПК есть одна из важнейших работ, от правильной постановки которой во многих случаях зависит быстрое и правильное разрешение дела по существу. На работу по приему исковых заявлений судья все еще не смотрит как на серьезную и весьма ответственную работу. Последствием такого воззрения является то ненормальное положение, что прием заявлений производится без надлежащего плана, на ходу, в разговоре о всяких посторонних вещах. При таком подходе при полном почти игнорировании ст. 80 ГПК, когда судья при приеме заявления ограничивается установлением исключительно формальных моментов [подсудность, цена иска, количество вызываемых лиц], является вполне естественным то положение, что дело сплошь и рядом не может быть разрешено по существу в первом же судебном заседании. Нередки случаи, что ответчик, являясь в суд, не знает, кто предъявил иск и о чем. Ведь в повестках, посылаемых ответчику, во многих случаях не сообщается ни сущности исковых требований, ни даже фамилии истца. Последствием такого положения является то, что ответчик, проживающий в 20—40 верстах от места нахождения народного суда, не зная, по какому делу его вызывают, заявляет в судебном заседании те или иные ходатайства, влекущие отложение дела. Но бывает и хуже: ответчик не смог обосновать своего ходатайства и таковое судом оставлено без удовлетворения, хотя ходатайство это было основательное. Суд постановил решение без выяснения действительных прав и взаимоотношений тяжущихся. Такое решение кассационной инстанцией отменяется и таким образом дело принимает затяжной характер.

Вот пример. Матрена Казакова пешком прошла 30 верст и принесла корявым почерком написанное исковое заявление. Подала судье. Судья что-то написал на поданном ему заявлении (гр. дело, два свидетеля) и отложил его в сторону, на грудку таких же заявлений. «Больше ничего?»—спрашивает Матрена Ка-

закова. Последовал короткий ответ: «Больше ничего, ждите повесток». Через некоторое время повестки были посланы. Матрена Казакова опять пешком пришла со своими свидетелями на суд. В судебном заседании обнаружилось следующее: ответчица по делу Мария Захарова, получив повестку, в суд не явилась. Суд постановил заслушать дело в порядке 98 ст. ГПК. Но дальше из опроса истицы судом выяснено, что предметом иска является заработная плата, причитающаяся не самой истице, а ее дочери Анне, уже 18-летней, которая к этому времени уже вышла замуж и выбыла со двора Матрены Казаковой. В виду такого положения суд дело слушанием отложил и постановил к следующему заседанию вызвать дочь Матрены Казаковой, действительную истицу по делу. На вторичное судебное заседание явились все вызываемые лица. Ответчица заявила на суде, что она не отрицает своего долга истице, но последняя предоставила ей, ответнице, отсрочку платежа долга. Истица это обстоятельство со своей стороны также подтвердила.

Таким образом, оказалось, что вся работа проделана впустую. Напрасно работал судебный аппарат, напрасно люди шли пешком 30 верст. Спрашивается, с кого же свидетели могут взыскать понесенные ими расходы и вознаграждение за напрасно потраченное время. Матрена Казакова—беднячка, а Захарова, хотя и середнячка, но она неповинна во всей этой истории.

Если бы судья при самом приеме искового заявления опросил бы Матрену Казакову в порядке ст. 80 ГПК, то вопрос был бы разрешен тотчас же, без вызова ответчика и свидетелей, так как с первого же взгляда было ясно, что сама М. Казакова права на иск не имеет.

Как ни прост наш Гражданский процессуальный кодекс, но в нем много непонятного для крестьянина, жителя деревни. Народный судья в судебном заседании спрашивает истца: «какие имеете ходатайства?» Истец часто на это отвечает: «прошу присудить с такого-то за тот-то...». Судья тогда говорит ему: «Об этом будете после говорить, а сейчас скажите, какие у вас имеются ходатайства». Не добившись никакого толка, судья с таким же вопросом обращается к ответчику. И зачем пользоваться такими непонятными для крестьянина выражениями? Не лучше ли просто спросить примерно так: «вы предъявили иск к такому-то, а чем вы его докажете?». Циркуляр Наркомюста № 192—1927 г. совершенно правильно указывает: «Авторитет суда в глазах трудящегося населения укрепляется исключительно существом выносимых судом приговоров и решений, а отнюдь не внешней торжественностью обстановки, в которой происходит судоговорение, и теми совершенно ненужными строго юридическими терминами, которые употребляет судья при ведении процесса. Судья, задавая вопросы участвующим в деле лицам и давая им разъяснения, должен говорить простым, вполне понятным всем участникам процесса языком, избегая терминов и выражений, непонятных широким трудящимся массам».

Таким образом, сводя воедино все сказанное, я считаю, что и при нынешней редакции нашего Гражданского процессуального кодекса можно добиться значительного уменьшения судебной волокиты. Судья должен в максимальной мере использовать ст. 80 ГПК не только в отношении истца, но и в отношении ответчика, учитывая при этом индивидуальные особенности каждого данного дела. И второе, что бы трудящиеся, в особенности жители деревни, лучше и полнее могли понять и уяснить свои процессуальные

права, надо поменьше обращаться к юридическим терминам и выражаться простым и всем понятным языком, как это рекомендуется циркуляром Наркомюста № 192.

Кроме того, в тех же целях наилучшего усвоения трудящимися правил процесса, в интересах правильной защиты своих прав на суде каждым трудящимся, я считаю совершенно необходимым следующее мероприятие: народный суд выходит в зал судебных заседаний; прежде чем начать разбор дел, народный судья обращается ко всем явившимся в суд с краткой речью, в который разъясняет права и обязанности истцов, ответчиков, свидетелей, право на обжалование на заявление частных ходатайств и проч. Такая речь должна быть произнесена в простых выражениях без юридических терминов. На все это потребуются каких-нибудь 10—15 минут. Это должно происходить перед каждым судебным заседанием. Я считаю, что благотворное значение такого новшества несомненно.

Трудящиеся будут постепенно усваивать свои процессуальные права и своевременно будут этими правами пользоваться, что также послужит толчком к скорейшему рассмотрению дел.

Е. Селизановский.

Майкоп, Сев.-Кавк. край.

Рационализация гражд. процесса в Азербайджанской республике.

За текущий 1929 г. в ГПК АССР был внесен целый ряд изменений в целях рационализации гражданского процесса.

Обследование РКИ показало, что главной причиной, вызывающей волокиту, является частое отложение дел вследствие невручения свидетелям и сторонам повесток, что объясняется несвоевременной их отправкой или неточным указанием в них адреса.

НКЮ, основываясь на данных обследования РКИ, признал необходимым дальнейшую рационализацию порядка рассмотрения гражданских дел. Для этой цели решено провести ряд мероприятий, направленных к искоренению волокиты, приближению суда к местному населению, улучшению качества работы суда путем усиления его инструктирования и усиления активности суда. Самым существенным моментом в области проектируемой рационализации был признан вопрос о расширении подсудности участковых народных судов, являющихся той основной ячейкой, подсудность которой по мере ее укрепления должна быть расширена до охвата почти всех, за некоторыми лишь исключениями, гражданских дел. Расширением подсудности нарсудов предполагается не только приблизить суды к местному населению и удешевить ведение гражданских дел, но и ускорить и самый разбор дел. Кроме того, путем расширения подсудности имеется в виду разгрузить нарсуды по важнейшим делам, заменившие собой в АССР окружные суды, и дать им фактическую возможность усилить свою деятельность в области ревизии и инструктирования участковых народных судов. Нужно заметить, что создание нарсудов по важнейшим делам было вызвано самой жизнью, так как практика показала, что окружные суды, в силу отдаленности своей от народных судов и загруженности своей непосредственной работой, не были в состоянии выполнять своего назначения—органа надзора и ревизии; они не могли руководить деятельностью народного суда, вести учет

его работы и проводить непосредственно инструктирование последнего. Кроме того, бывшие окружные суды не принимали никаких мер для объединения судебных работников, не организовали совещаний последних, не наблюдали за работой и подготовкой народных заседателей. Новая реформа дала возможность вновь образованным судебным учреждениям фактически осуществлять непосредственное общение с низовыми судебными органами и проводить действительный надзор за их работой. В связи с произведенной реорганизацией были изменены правила положения о судоустройстве и на нарсудей по важнейшим делам законом была возложена обязанность производить по менее 1 раза в год ревизию каждого из нарсудей подведомственного им района с попутным их инструктированием, наблюдение за деятельностью бюро коллегии защитников и всех находящихся в пределах данного района нотариальных контор и других органов, выполняющих нотариальные функции. Поэтому проектируемая ныне разгрузка нарсудов по важнейшим делам путем расширения подсудности участковых нарсудов приобретает особое значение в условиях АССР, давая этим возможность улучшить качество работы последних путем установления надлежащего инструктирования со стороны нарсудов по важнейшим делам.

С этой целью была изменена ст. 21 ГПК в смысле увеличения подсудности участковых народных судов до 3.000 руб. и отнесения к ведению последних целого ряда исков, независимо от их цены. В соответствии с этим ст. 21 ГПК изложена в следующей редакции: «Ведению участкового народного суда с участием двух народных заседателей подлежат, независимо от цены иска, нижеследующие дела: 1) иски об алиментах и о возмещении ущерба вследствие причиненного ущерба, 2) иски, основанные на документах, перечисленных в ст. 210 настоящего кодекса, если за истечением установленного в законе срока не мог быть выдан судебный приказ, 3) иски об исключении из описи с признанием права собственности на описанное имущество, 4) все жилищные дела (о взыскании квартплаты, о выселении и друг.), 5) споры о семейных разделах имущества общего пользования крестьянского двора при условии, что при этом не производится одновременно раздел земли (ст. 81 Зем. код.). Кроме того, названному суду подлежат все другие возникающие из гражданских правоотношений дела, за исключением лишь предусмотренных ст.ст. 22, 23 и 24».

В соответствии с приведенной статьей был изменен и пункт «а» ст. 23 ГПК в том смысле, что народному суду по важнейшим делам были переданы иски, цена коих превышает три тысячи рублей.

Попутно с изменением ст. 21 НКЮ признал целесообразным, в целях пресечения волокиты, предоставить участковым нарсудам право выносить решения и в тех случаях, когда истцы повысят во время судебного разбирательства размер своих исковых требований свыше 3.000 рублей, но при условии, что повышение это не сопровождается изменением самого основания иска. Настоящее правило было установлено по следующим соображениям. Под основанием иска, как известно, разумеется то правоотношение, из которого иск происходит; правоотношение же есть такое юридическое отношение между двумя лицами, которое порождает для них известные права и обязанности. Если по поводу такого отношения между двумя лицами воз-

никает спор о взаимных притязаниях, дающих им право на предъявление друг к другу требований, то иски об исполнении этих требований будут проистекать из одного и того же правоотношения, что означает, что оба иска имеют одно и то же основание. Но между двумя лицами может быть не одно правоотношение, а несколько, т.е. два лица могут находиться в таких между собой отношениях, каждое из которых порождает для них особые права и обязанности; в данном случае иски будут уже иметь различные основания.

Посему, например, изменение основания иска будет налицо в том случае, когда, например, истец, предъявив первоначально иск в сумме 3.000 руб. за утраченный товар, отданный ответчику в залог, изменит во время процесса основание иска, утверждая, что товар был отдан не в залог, а по договору комиссии для продажи, и в связи с этим заявит дополнительное требование о взыскании с ответчика 500 руб. комиссионного вознаграждения. В данном случае, согласно новому закону, такой иск не может быть рассмотрен народным судом, т. к. увеличение цены иска связано с изменением основания иска. Запрет этот обоснован тем, что изменение основания иска должно будет вызвать в большинстве случаев производство проверочных действий для установления того нового основания, которое дает право истцу на дополнительное требование, а это вызовет затяжку дела. Одно же увеличение во время процесса размера иска, без изменения основания последнего, вполне допустимо, так как само предъявление такого требования основывается, как показывает судебная практика, на данных, которые уже были выявлены судом при разборе дела. А при этом условии вопрос о затяжке дела отпадает.

По приведенным соображениям правило это изложено в виде примечания к ст. 21 в следующей редакции: «Нарсуду предоставляется право выносить решения и по искам свыше 3.000 руб., если повышение размера иска за пределы подсудности названного суда выявится уже в процессе судебного разбора и при условии, что в данном случае не происходит изменения самого основания иска».

Кроме того, НКЮ было признано целесообразным предоставить также нарсуду право принимать к своему рассмотрению и неподсудные ему по своему размеру, но не по роду дел, встречные иски, при условии, что иски эти не требуют производства проверочных действий. Правило это помещено в виде 2-го примечания к ст. 81-а ГПК, регулирующей специально вопрос о встречных исках, и изложено в следующей редакции: «В случаях, если заявленный встречный иск не требует производства проверочных действий и неподсуден участковому народному суду лишь по размеру исковой суммы, а не по другим основаниям, последний вправе принять таковой к своему рассмотрению».

Помимо приведенных мероприятий, в целях борьбы с той же волокитой, в ГПК было введено правило, что свидетели должны быть допрашиваемы в первый же день явки их в суд и что вторичный вызов свидетелей, как общее правило, не допускается. Кроме того, в целях преграждения необоснованных вызовов свидетелей, закон предоставляет суду право взыскивать с проигравшей стороны, в зависимости от ее социального и материального положения, особое вознаграждение в пользу соответствующего учреждения и предприятия за отвлечение в качестве свидетелей служащих и рабочих последнего. Приведенные выше прави-

ла изложены в виде примечаний к ст.ст. 42 и 128 ГПК следующим образом: примечание к ст. 42: «В случае вызова в качестве свидетелей рабочих и служащих государственных, общественных и кооперативных учреждений и предприятий, суд вправе взыскать с проигравшей стороны, в зависимости от ее социального и материального положения, причитающееся в пользу соответствующего учреждения и предприятия вознаграждение за отвлечение свидетелей от работы».

Примечание к ст. 128: «Свидетели должны быть обязательно допрошены в первом по делу судебном заседании, независимо от того, будет ли дело отложено по каким-либо другим поводам; вторичный вызов свидетелей допускается лишь в особо исключительных случаях и притом на основании мотивированного постановления».

Наконец, в целях борьбы с волокитой и затягиванием производства НКЮ, учитывая то обстоятельство, что по частным жалобам не требуется производства проверочных действий и указываемые в них нарушения касаются неправильного применения законов, признал нужным упростить порядок рассмотрения названных жалоб. Теперь на кассационную инстанцию возложена обязанность исправления неправильных определений по существу, без возвращения дела в первую инстанцию. Соответствующее правило включено в особое примечание к ст. 249 ГПК, которое изложено в следующей редакции: «При рассмотрении частных жалоб гражд. кассаци. коллегия, отменяя неправильное определение, обязана исправить таковое по существу, не передавая вопрос для вторичного рассмотрения в первую инстанцию».

Что же касается мероприятий, направленных к усилению активности суда, то таковые касаются вопроса о значении «признания в качестве доказательства» и порядка назначения экспертизы. Устанавливая принцип оспоримости признания, НКЮ исходил из того основного положения, что хотя признание и предоставляет возможность суду, по его усмотрению, не производить проверки признанных фактов, но в то же время суд вправе отнестись к признанию критически, как ко всякому другому доказательству, т.е. принять его или отвергнуть. Отказ суда в принятии признания может быть основан на различных соображениях. Так, например, суд может предполагать, что во многих случаях признание является средством для достижения противозаконных целей (напр., опекун малолетних, находясь в стачке со взыскателями, признает иск, обращенный на имущество подопечных по долгам родителей). Далее судом может быть, например, отвергнуто признание, которым устанавливается такое правоотношение, которое под страхом недействительности должно быть закреплено в указанной в законе форме (напр., признание ответчиком существования залога не может заменить отсутствия залогового акта). Наконец, суд может принять часть признания, а другую часть отвергнуть, как несогласную с обстоятельствами дела. По изложенным соображениям НКЮ, руководствуясь общими началами, содержащимися в ст. 2 ГПК, согласно которой от суда зависит принятие отказа стороны от принадлежащих ей прав, дополнил означенную статью особым примечанием в следующей редакции: «Признание иска самой стороной или ее представителями, и при наличии у них на это полномочия, необязательно для суда и последний вправе проверить законность и правильность сделанного признания».

Что же касается порядка назначения экспертизы, то в ГПК в целях усиления активности суда в этой области было внесено правило, что даже при наличии в деле условий, требующих особых технических знаний, судом может быть отказано в производстве экспертизы в случае, если им будет признано, что стоимость экспертизы не будет соответствовать размеру предъявленного искового требования. В соответствии с этим изменена ст. 152 ГПК, которая изложена следующим образом: «Для разъяснения возникающих при разборе дела вопросов, требующих специальных познаний, суд может назначить экспертов. В тех случаях, когда суд найдет, что расходы по экспертизе не соответствуют по их размеру заявленным искомым требованиям, он вправе отклонить таковые и вынести решение на основании имеющихся в деле данных».

В связи с настоящим изменением было признано целесообразным изменить попутно также и ст. 44 ГПК в целях своевременной выдачи экспертам причитающегося им вознаграждения и освобождения казны от возложения на нее расходов по оплате экспертизы. В соответствии с этим ст. 44 ГПК изменена следующим образом: «Вознаграждение эксперта определяется судом при его назначении, при чем суд вправе до вынесения решения постановить определение о взыскании необходимых на оплату экспертизы денег или с обеих сторон или с одной из них, в зависимости от социального и материального их положения; в случае уклонения сторон от уплаты, необходимые суммы могут быть взысканы в принудительном порядке».

Баку.

Марков.

Рационализация работы по расследованию преступлений¹⁾.

Я не согласен с выводами тов. Янсона. Мне кажется, что никакой рационализации, никакого толку от предлагаемых им мероприятий не получится. Они поведут, на мой взгляд, не к увеличению раскрываемости преступлений, а, наоборот, к тому, что все дела указанной им категории будут идти, попросту говоря, на смарку. А ведь всякая рационализация только тогда оправдывает свое название, когда она достигает основной цели—получения наибольшего результата при наименьшей затрате труда. Давайте разберемся в этом вопросе.

Когда официально заводится уголовное дело о совершении хотя бы кражи, то оно, согласно бывшей 105, а ныне 11 ст. УПК, должно быть закончено в месячный срок. Такое требование создает, конечно, известную дисциплину, обязывает предпринять в указанный срок все зависящее к обнаружению похищенного и виновного. И вот от этого хотят избавиться. Под предлогом оперативной работы и объективной проверки фактов предлагают ввести не месячный, а, наверное, бесконечный срок расследования. Тов. Васильев уже указал на некоторые отрицательные моменты такой постановки. Я хочу лишь добавить следующее. Допустим, что процент прекращенных дел равняется, как это определяет т. Янсон, 60—65. О чем это говорит? О ряде, конечно, отрицательных моментов в работе органов расследования. Где же причины? По мнению т. Янсона,

здесь почти одна причина и заключается она в том, что по действующему закону органы расследования должны немедленно завести «формальное производство, тогда как нужно сначала выполнить большую предварительную работу для проверки сообщенных сведений, а также совершить ряд розыскных действий». Вместо того, чтобы искать истинные причины, т. Янсон идет по линии наименьшего сопротивления. Выходит, что как будто бы закон до начала расследования препятствует производить и розыскную работу и проверять правдивость сообщенных фактов. Ведь как в действительности происходит дело?

Поступает заявление о краже, составляется протокол, в котором исчерпывающим образом указываются обстоятельства дела. Далее идет осмотр места происшествия, тоже с составлением соответствующего протокола. Можно ли от этих действий, в частности, от последнего, избавиться? Нет, нельзя, ибо осмотр является вместе с тем и проверкой правильности заявленного. А далее хоть весь месяц производите оперативную работу, никто этому не препятствует. И нет надобности допрашивать свидетелей, если они ничего не знают. А если они по обстоятельствам дела необходимы, то, конечно, обойтись без них не возможно. И это вполне понятно. Наш процесс не чисто розыскной. Доказательствами в нем не могут быть агентурные сводки агентов УРО. Вопрос же о времени допроса разрешается сотрудником, ответственным за ведение дела. Он может это выполнить и в день заявления и через две-три недели. Я знаю, что по этому поводу мне возражают. Укажут на такой пример: вот, мол, допросили 3—4 свидетелей, а они ничего существенного не дали, оперативно-розыскной работой виновного не установили, дело пошло на прекращение. Так зачем же заводили дело и допрашивали свидетелей? Этот пример—главное возражение против существующего «формального порядка». Здесь-то и обнаруживается слабая постановка работы. Ведь эти свидетели не с неба упали. Они намечаются, например, во время допроса заявителя. Заявитель указал, что сожителями его являются Петров и Сидоров, что кражу он обнаружил с шедшим на квартиру Ивановым. И вот на основании подобных заявлений эти лица привлекаются к делу в качестве свидетелей, хотя нет никаких указаний на то, чтобы они знали об обстоятельствах, ведущих к обнаружению похищенного и преступника. Одним словом необходимости в допросе не было, между тем их допросили. Отсюда видно, что зло заключается в бессистемности, в отсутствии строгого учета того, что по делу необходимо сделать. И вместо того, чтобы указать на эти недостатки, на бесплановость, на необдуманность, нам рекомендуют идти по другому пути: дела не заводить, заявления класть в папку и производить оперативно-розыскную работу до «нового потопа».

Оперативно-розыскная работа для незначительных краж по вполне понятным причинам продолжаться годы не может; если она в течение месяца не привела к положительным результатам, то можно с уверенностью сказать, что результатов она не даст и в последующее время.

Главную причину нераскрываемости преступлений, а, следовательно, беспечной затраты труда, нужно искать в другом. Первая причина—слабая постановка оперативной работы. Мы не втянули в нее широких слоев трудящихся. А ведь они являются свидетелями и краж и сокрытия следов их. Вторая—мы не сделали

¹⁾ См. статью тов. Янсона и Васильева «ЕСЮ» № 30 и 37 1929 г.

сотрудников ответственным за раскрываемость. Откроют ли они дело или нет—безразлично. Нужно ввести какие-либо поощрения. В производстве качество стимулируется, там создается заинтересованность. Так почему же не ввести систематического премирования вместо случайного, как это теперь имеет место в розыскных органах. Третья—необходимо органы расследования втянуть в социалистическое соревнование по качеству расследования и раскрытию преступлений. И, наконец, пора ввести закон, который предоставлял бы право прокурорскому надзору выселять соц. опасный элемент—рецидивистов без приговора суда и, следовательно, без изобличения в конкретном преступлении. Такое право было предусмотрено в проекте редакции 1926 г., но не было утверждено.

Эти мероприятия, по моему мнению, дадут положительные результаты как в смысле рационализации, так и в смысле уменьшения преступности.

Балашов.

А. Зубарев.

О дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности.

Несмотря на все объективные данные к тому, чтобы закон о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности был жизнеспособным и популярным, хотя бы среди администрации,—этого нет.

Несмотря на то, что он насчитывает более 2-х лет существования, с уверенностью можно сказать, что лишь в последнее время этот закон начинает проводиться в жизнь, о нем вспоминает и законодатель (и в новом законе о рассмотрении трудовых конфликтов и в положении о материальной ответственности трудящихся за причиненный ущерб предприятию—пост. ЦИК и СНК СССР от 12/VI—29 г.—есть упоминание) и в печати иногда промелькнет краткая заметка о нем.

Местная практика долгое время почти не знала его.

Чем объяснить такое отношение к закону, казалось бы столь важному для администрации, закону, дающему право с минимальными осложнениями и без хлопот вести борьбу за поднятие трудовой дисциплины.

Единственным ответом может быть только одно—этот закон применять на практике почти невозможно, так как он как в отношении вида упущений и проступков, так и в отношении круга лиц, к которым он может быть применен, попал между двух стульев.

1. До изменения редакции ст.ст. 112, 113, 120, 121, и 128 УК (пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 28/V—28 г.) и изменения самого постановления о дисциплинарной ответственности от 4 июля 1927 г. (пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 28/X—28 г.) еще была некоторая ясность в вопросе о тех проступках, которые влекли за собой дисциплинарную ответственность в порядке подчиненности. Граница между должностными преступлениями и дисциплинарными проступками проводилась таким образом: проступок становился социально-опасным действием при наличии одного из следующих признаков: 1) систематичности служебного упущения, 2) корыстной или иной личной заинтересованности виновного и 3) наличия или возможности наступления тяжелых последствий в результате совершенных нарушений.

Наконец, отмена положения о дисциплинарных судах уточнила сферу применения положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности.

С изменением же редакции указанных выше статей УК, вопрос о том, за какие проступки и упущения может быть наложено дисциплинарное взыскание в порядке подчиненности, совершенно запутался.

Прежде всего о 112 ст. УК в новой ее редакции.

Вторая часть указанной статьи говорит, что «во всех остальных случаях злоупотребления властью или служебным положением, превышения власти или служебных полномочий, бездействия власти и халатного отношения к обязанностям, не подпадающих под признаки 109—112 ст.ст., применяются принудительные работы на срок до 1-го месяца или увольнение от должности, или лишение на срок до 2-х лет права занятия руководящей или ответственной должности, или возложение обязанности возместить причиненный вред, или общественное порицание».

К этой второй части 112 ст. имеется примечание о том, что действие ее (2-й части) не распространяется на те служебные упущения и проступки, которые по степени серьезности не требуют применения мер социальной защиты и влекут дисциплинарную ответственность в порядке подчиненности.

Чем же должен руководствоваться администратор, чтобы решить вопрос о том, может ли быть в конкретном случае к лицу, проявившему халатность, применено увольнение, как мера социальной защиты или как дисциплинарное взыскание; или, например,лагается ли здесь мера социальной защиты—общественное порицание или же дисциплинарное взыскание, напр. строгий выговор? Чем руководствоваться органам судебного следствия, прокурорскому надзору и РКИ при разрешении вопроса о необходимости направления дела в суд (см. ст. 1 положения о дисциплинарной ответственности в новой редакции пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 28/X—28 г.)?

Что касается ст.ст. 113, 120 и 121 УК (спор о статье 128 УК в виду ее новой редакции вовсе отпадает), то здесь дело еще хуже. В периодической печати проскальзывает иногда мысль (см., например, «ЕСЮ» № 19—29 г. статья Серикова «II «д» ст. 47 КЗоТ и дисциплинарные взыскания») о том, что преступления, предусмотренные указанными статьями, могут так же, как и в случаях, предусмотренных статьей 112 УК, переходить в известных случаях в проступки, влекущие за собою дисциплинарные взыскания.

Нам думается, что это не так.

Новая редакция этих трех статей одинаково говорит: «или меры социальной защиты, указанные во 2-й части 112 ст.»; поскольку здесь нет ссылки на примечание к ст. 112 и речь идет лишь о мерах социальной защиты, постольку у нас нет оснований считать, что здесь может быть переход к дисциплинарной ответственности.

Таким образом проступки, связанные с дискредитированием власти, служебным долгом и разглашением сведений, не подлежащих оглашению—с изменением редакции указанных выше статей, не могут ни при каких обстоятельствах преследоваться в дисциплинарном порядке.

Новая редакция ст. 1 положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности говорит, что дисциплинарные взыскания за служебные упущения и проступки, влекущие дисциплинарную ответственность

согласно УК, налагаются в порядке, установленном настоящим положением, на всех должностных и приравненных к ним в отношении уголовной и дисциплинарной ответственности лиц в тех случаях, когда по степени серьезности совершенных действий органы и лица, имеющие право налагать дисциплинарные взыскания согласно настоящему положению, или органы судебно-следственные, прокурорского надзора и рабочей крестьянской инспекции не найдут необходимым направить дело в суд.

Из всего сказанного следует, что сфера применения указанного положения значительно сузилась, вернее она ограничилась проступками, указанными во 2-й части 112 ст. УК, и что найти критерий для разрешения вопроса—передать ли дело в суд или направить его в дисциплинарном порядке—весьма и весьма затруднительно. Невольно поэтому напрашивается вывод, что ст. 112 УК следует оставить в прежней редакции.

Таковы взаимоотношения УК и положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности.

II. Не менее туманны взаимоотношения того же положения с табелями взысканий, налагаемых за нарушение правил внутреннего распорядка.

Затруднения возникают в двух направлениях: прежде всего в каких случаях и в отношении кого применять табель и когда применять положение о дисциплинарной ответственности.

В отношении проступков приходится руководствоваться следующим правилом: за все проступки, которые подходят к проступкам, предусмотренным табелем взысканий, налагается взыскание согласно последней, а за правонарушения, которые не охватываются табелем, может быть наложено взыскание в порядке подчиненности. Мы полагаем, что табели взысканий, как более обеспечивающей интересы трудящихся, должно быть отдано предпочтение, однако с некоторой, как мы увидим ниже, оговоркой в отношении круга лиц.

Взыскание в порядке подчиненности налагается только на должностных и приравненных к ним лиц. Примечания 1-ое и 2-е к ст. 109 УК достаточно ясно определяет, кого следует отнести к должностным лицам; под это определение должны быть отнесены все служащие, независимо от того, какую они должность занимают, и какие права и обязанности связаны с этой должностью.

Из сказанного первый вывод—дисциплинарное взыскание в порядке подчиненности может быть наложено на всех служащих, за исключением тех взысканий, которые конкретно предусмотрены табелем данного предприятия и учреждений.

Второй вывод—на рабочих взыскание может быть наложено только согласно табели.

Правильность такого разделения подтверждается еще и тем, что взыскания в порядке подчиненности вносятся в трудовой список, а таковой заводится только на служащих (см. постановление СНК СССР от 12 сентября 1926 г.).

Наконец третий вывод. Возьмем для примера такой случай. За неиспользование административно-техническим персоналом своих прав, на последний может быть наложено дисциплинарное взыскание. Некоторые табели предусматривают в этих случаях наложение взысканий. На всякое ли лицо административно-

технического персонала в этом случае может быть наложено взыскание по табели? Мы даем на это отрицательный ответ, и вот почему.

Согласно пост. НКТ СССР от 16 марта 1929 г. № 117 о порядке увольнения и восстановления в должности ответственных работников («Известия НКТ» № 15—16—29 г.), ответственные работники не могут обжаловать наложенное на них взыскание в виде увольнения в конфликтном порядке, следовательно и меры взысканий к ним не могут быть применяемы по табели, предусматривающей исключительно линию конфликтного разбирательства. Поэтому мы полагаем, что на ответственных работников может быть наложено взыскание за проступок, хотя бы и предусмотренный табелем, лишь в порядке подчиненности.

Подводим итог сказанному.

1) В порядке дисциплинарной ответственности взыскания налагаются за проступки, с одной стороны, не требующие применения мер социальной защиты и предусмотренные УК, а, с другой стороны, не перечисленные в табели взысканий.

2) Означенные взыскания могут быть наложены на всех служащих, независимо от занимаемого положения.

3) На рабочих взыскания в порядке подчиненности не могут налагаться и

4) за проступки, хотя бы и предусмотренные табелем, но совершенные ответственными работниками (в смысле пост. НКТ СССР от 16 марта 1929 г.), взыскание может быть наложено только в порядке подчиненности.

В этом духе желательны соответствующие дополнения положения о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности.

III. Еще один возникший на практике вопрос, связанный с дисциплинарной ответственностью в порядке подчиненности.

Нередки случаи, когда нарследователи и суды, прекращая дело в уголовном порядке, передают такое начальству обвиняемого для наложения дисциплинарного взыскания.

Обязана ли в таких случаях администрация бесприкословно наложить взыскание и имеет ли она право просить соответствующий судебный орган о присылке всего подлинного материала для ознакомления с ним.

По этому вопросу существуют две точки зрения.

Одни утверждают, что постановление нарследователя или суда о прекращении дела в уголовном порядке и о направлении его в дисциплинарном порядке для наложения взыскания обязательно для администрации и что последняя не может не наложить дисциплинарного взыскания. Что же касается присылки, хотя бы на время, подлинного материала, то в этом, по их мнению, нет никакой надобности, так как в постановлении следователя материала для наложения взыскания вполне достаточно. Иначе, утверждают сторонники этого мнения, при другом разрешении вопроса может пострадать авторитет судебных органов, и кроме того народный следователь—достаточно компетентное лицо, чтобы разрешить вопрос о том, должно или не должно быть наложено дисциплинарное взыскание и т. д.

Другие считают, что вышестоящие, в порядке подчиненности, органы и лица имеют право, независимо от постановлений нарследователя и суда, самостоя-

тельно разрешить вопрос как о наложении взыскания, так и о виде последнего. Вопрос о присылке подлинного производства разрешается ею также положительно.

Являясь сторонником последней точки зрения, приведу следующие соображения в защиту этого мнения.

Положение о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности совершенно точно перечисляет (см. ст. 2) те органы и лица, которые могут налагать в указанном порядке взыскания. Этим положением такого права ни судебно-следовательским органам, ни прокурорскому надзору не предоставлено, последним предоставлено право лишь разрешить вопрос о направлении дела—в судебном или в дисциплинарном порядке.

Спорность в этом вопросе, повидимому, вызывается тем, что в некоторых случаях судебно-следственные органы, вместо того, чтобы предложить администрации рассмотреть дело в дисциплинарном порядке, пишут постановление, обязывающее администрацию наложить взыскание. Нам думается, что это случайная, редакционная ошибка, которая не может изменить ясно выраженной мысли закона. В противном случае пришлось бы признать за следователем, прокурором и судом право самостоятельного наложения дисциплинарных взысканий, а за администрацией в этих случаях оставить лишь право выбора меры взыскания, что явно противоречило бы пост. ВЦИК и СНК.

Присылка подлинного материала для ознакомления администрации, правда, законом не предусмотрена, но логика вещей и целесообразность говорят за то, что это необходимо делать и что отказ судебных органов в этом случае является никому ненужным формализмом. В самом деле, как поступить администрации, получившей одну лишь постановление следователя, которое иногда бывает весьма и весьма кратко и не охватывает всех подробностей дела? Для примера приведем такой, имевший место, случай. Злоумышленники, намереваясь украсть свинцовые трубы, положили их около стены забора во дворе фабрики, это было замечено, милиция приступила к дознанию, но механик распоряжения об уборке этих труб не сделал, и последние на другой день были украдены. Следователь, прекратив дело в уголовном порядке, признал необходимым наложить дисциплинарное взыскание на механика. Однако, последний заявил, что он несогласен с наложением взыскания, так как он сознательно не убрал этих труб в виду того, что имел достаточные основания из переговоров с милицией считать, что будет устроена засада с целью поимки вора, но таковой не было и трубы были украдены. Этот момент в постановлении следователя совершенно не отражен.

Как разрешить вопрос? Наложить ли взыскание, не обращая внимания на объяснение механика, или проводить новое расследование, т.е. собирать материал, который уже имеется в деле следователя? Не проще ли ознакомиться с подлинными материалами дела. Однако, следователь, по указанию наблюдающего прокурора, отказал в присылке дела.

Еще отчетливей выступает ненормальность такого положения, когда получается выписка из определения распорядительного заседания суда, где уже совсем нет никаких материалов. Правда, практика в этих случаях показывает, что суды держатся другой точки зрения—не только присылают (конечно на время) подлинное производство, но и соглашаются с тем, что ад-

министрация имеет право самостоятельно разрешить вопрос по существу во всем объеме, т.е. и о наложении взыскания и о степени его.

Здесь следует сделать оговорку, что администрация обязана уведомлять орган или лицо, возбуждавшее дисциплинарное производство, о результатах рассмотрения такового.

По этим, требующим практического разрешения вопросам было бы весьма желательно получить официальное разъяснение Наркомюста.

А. Струков.

Пос. Кондрово, Вяземского округа.

«»

Детский труд недостаточно охраняется.

Всесоюзный пионерский слет в своих решениях обратил внимание на ряд фактов, свидетельствующих о недостаточной охране прав подростков, работающих по найму в сельском хозяйстве. В связи с этим крайпрокуратурой было произведено обследование 2-х округов (Сальского и Кубанского), которое показало, что применение труда подростков в сельском хозяйстве сильно распространено. В среднем по двум округам применение труда подростков достигает 50%, а по некоторым населенным пунктам—70%. Применяется он, главным образом, в хозяйствах с подсобным трудом и в промышленных хозяйствах. Среди пастушества подростков насчитывается около 40% (39%). По некоторым населенным пунктам в текущем году наблюдается даже, по сравнению с прошлым годом, рост числа нанятых подростков. Так, на ст. Байсугской, Кубанского округа, наем подростков увеличился на 10%, на ст. же Абинской, Кубанского округа, увеличение имеется на 10%, такая же, примерно, картина и по Сальскому округу.

Прежде всего нужно отметить, что ни в одном из населенных пунктов никто никогда никакого учета подростков не вел, за исключением некоторых мест, где профсоюзам велся учет только своих членов. Охват работающих подростков трудовыми договорами также невозможно учесть, поскольку отсутствует общий их учет. Подростки, охваченные трудовыми договорами, по существу очень немного от этого получают, так как ни профсоюзы, ни сельсоветы не уделяют достаточного внимания условиям найма. Благодаря этому наблюдаются частые случаи заключения с подростками явно противозаконных и кабальных договоров. Обнаружено немало договоров, зарегистрированных в сельсовете, о найме подростков в возрасте 9, 10 и 11 лет, несмотря на запрет закона. Конкретные примеры: в селе Сандаты, Сальского окр., заключен трудовой договор на 11-летнего батрака Ктиторова, без ограничения рабочего времени. Гр. Безусов (хозяйство промышленного типа) нанял 12-летнего батрака по договору на 4½ месяца за 15 руб. на весь срок, с неограниченным рабочим временем. В селе Новоягорлыкском, Сальского округа, наниматель Пивоваров заключил договор о найме 9-летней батрачки, при чем особо оговорен 10-часовой рабочий день. Аналогичное положение наблюдается и по Кубанскому округу. Из проверенных нами 500 трудовых договоров на подростков обнаружено 125 кабальных договоров или 25%, не считая работающих без письменных договоров, где случаи кабальности должны быть еще более частыми. Что касается остальных до-

говоров, то в 20% из них обусловлена низкая зарплата от 15 до 20 руб. в среднем, включая и стоимость харчей, которые расцениваются нанимателями обычно в 10—12 руб. Таким образом, чистого заработка батрачатам остается в среднем 5—6 руб. Положение с рабочим временем по договорам также безотрадно: в отношении ²/₃ всех батраков-подростков в трудовые договоры обусловлен или 10-часовой, или совершенно неограниченный рабочий день; 6-часовой рабочий день оговорен только в 7% всех договоров. Из этого наглядно видно, какой жесткой эксплуатации подвергаются несовершеннолетние, работающие в сельском хозяйстве.

В ст. Бейсугской [Кубанского окр.] в текущем году рабочий день для подростков значительно увеличился по сравнению с прошлым годом. Так, например, если в прошлом году с неограниченным и 10-часовым рабочим днем договоров не было, то в текущем году в 18% договоров оговорен неограниченный день и в 8% 10-часовой рабочий день. А в селе Зимовники (Сальского округа) установлено такое недопустимое явление: в то время как в хозяйствах с подсобным наемным трудом договоров с неограниченным рабочим временем для подростков не заключено ни одного, в кулацких хозяйствах таковых насчитывается 16%. Отсюда вывод, что подростки эксплуатируют, главным образом, в кулацких хозяйствах и к тому же с благословения местных органов власти и организаций.

Но особенно наглядно об этом говорят заявления некоторых батрачат; часть из них приводим полностью:

1) Васильченко, 13 лет (ст. Бейсугская, Кубанского округа). Я работал у гр. Иванцова, Павла Петровича, 3 года; работал с утра до вечера и часто ночью. Хозяин приезжал пьяный и начинал выгонять меня в степь на работу. Обращался весьма грубо, ругался часто матерщиной, иногда бил (раз три) сонного по голове, придирался ко всякой мелочи, заставлял работать непосильные работы. Имея 11 лет от роду, я копал канаву, пахал землю один, хозяин заставлял меня пахать, а сам ложился спать или просто отдыхать. Одежду давал очень плохую, зимой я ходил в прорванных чулках, всегда с мокрыми ногами. Были сильные зимы холода, я ходил в легкой одежде, выполняя все работы. Пищу давали отдельно, сами кушают, а мне давали остатки. Воспитания никакого не давал. Часто хозяйка выгоняла и издевалась надо мной. Денег ни разу не давали ни одной копейки. Выходными и праздничными днями я не пользовался и если в праздник яросился на улицу, то меня ругали, упрекали: «что шатаешься, надо работать». Было у меня одеяло—хозяйка пошла из него себе кофту. Подпись: Васильченко: Василий. (Виновные привлечены нами к уголовной ответственности).

2) Крылова, 14 лет (село Зимовники, Сальского округа). Я работала по найму лет с 10. Последнее время жила у гр. Пономарева. Прожила всю зиму 1928/29 г. и часть лета. Жила исключительно за харчи. Обещали одевать и обувать, но ничего не давали и работать приходилось в своей одежде. Работала без договора. Часто работала непосильную работу, носила полные ведра воды, колодезь был далеко. Зимой ходила полуголая и почти босая. Застрахована не была. Работу всю выполняла одна, было жить очень тяжело. Кроме того хозяин ко мне приставал ночью и неоднократно пытался изнасиловать, но я кричала и плакала. Один раз хотел перенести меня на кровать к себе, но я закричала, он меня ударил по щеке и бросил. После про-

сил, чтобы я никому об этом не говорила. Показывала мне неприличные карточки и книжечки. После спрашивал, нравятся или нет? Жила у него потому, что дома нечего кушать, мама моя тоже все время работала батрачкой. Подпись: Крылова. (Дело передано на расследование).

3) Сидлецкий, Ефим, 12 лет (ст. Кореновская, Кубанского округа). Настоящим прошу примкомиссию разобрать следующую мою жалобу. Я нанялся поденно к гр. Голобородько, Петру, прожив. в ст. Кореновской, у которого проработал один день. Он прибил меня за то, что я не смог погнать лошадей, которые пристали к косилке. Прошу наказать его за побои, а мне уплатить. При сем прилагаю справку врача. Сидлецкий, (Справка амбулатории: «имеется рубец на левом боку, повидимому от удара кнутом»).

Все эти возмутительные факты происходили на глазах местных органов и организаций и тем не менее никто не обратил на них должного внимания. Дело Сидлецкого обсуждалось даже примкамерой и нанимателя оштрафовали только на 10 руб.

Существующие при сельсовете столы опеки также совершенно бездействуют. Так, например, в станице Бейсугской зав. столом опеки в течение 3-х месяцев не приступал к работе и вообще об этой работе он никакого представления не имеет. При обследовании нами было установлено, что опекаемые весьма часто в сущности были батрачатами. Наниматели берут их под видом опекаемых, а фактически используют их как батраков, к тому же без договора, так как формально трудовых взаимоотношений в этих случаях как будто нет. Налицо явная выгода для нанимателя, выступающего в роли «благодетеля». Учета опекаемых, а также проверки условий труда их никем не ведется.

Из заявления гр. Карандашовой, Варвары, видно, что она 8 лет была взята на воспитание и выполняла разную работу по хозяйству, с 13 лет, несмотря на ее малолетний возраст, ее заставляли в хозяйстве доить коров, убирать лошадей, ночью ходить за кормом и даже посылали воровать сено. В одну из таких ночей она попала в прорубь реки и сильно отморозила себе руки и ноги. Одежды хорошей не имела, а была полураздетая. Потом ее прогнали и не уплатили даже за работу.

Аналогичный случай имел место с батрачкой ст. Холмской Кубанского окр., которая работала у нанимателя Протасова под видом «воспитанницы» за 29 руб. в год, при чем летом, когда работы было много, отношение к ней было очень хорошее, а зимой, когда работы уменьшилось, отношения портились.

Из этого видно, что наниматели пользуются отсутствием работы опекунов столов и органов народного образования и легко обходят трудовое законодательство.

Охват пастухов и батрачек соцстрахованием проведен явно недостаточно—из числа работающих по договорам застраховано только 50%.

Из всего этого можно сделать только один общий вывод, что до сих пор этот важный участок работы был всеми забыт. Поэтому необходимо теперь же решительно всем заинтересованным органам и организациям, как-то: союзу сельхозрабочих и отделам труда особое внимание обратить на охрану детского труда. Крайпрокуратурой в ближайшие дни этот вопрос будет поставлен перед соответствующими органами.

Отработка учащимися стипендии.

Данный вопрос необходимо осветить на страницах юридической печати, так как вопрос этот по своей природе совершенно новый и связанные с ним судебные споры на практике разрешаются неправильно. Необходимо прежде всего остановиться на рассмотрении элементов, составляющих договор контрактации рабочей силы. По нашему мнению, основных элементов 2, а именно:

1) обязательство государственного органа обеспечить материальными средствами трудящегося на время его обучения; и

2) предоставление трудящимся своего труда на определенный срок в распоряжение государственного органа по окончании учебного заведения.

Что из этого следует? Прежде всего то, что при огромнейшем размахе строительства это строительство требует квалифицированной рабочей силы как высшей, так и средней квалификации. «Продукция» же Вузов не успевает в полной мере удовлетворять спрос промышленности на квалифицированную силу, отсюда в дополнение к Вузам создаются различного рода курсы и институты по поднятию квалификации. А для того, чтобы учащийся мог основательнее усвоить предмет изучения, не отвлекаясь на изыскание материальных средств, госорган обеспечивает его средствами к существованию, значит за время обучения учащийся получает «заработную плату», не участвуя в производстве этого предприятия. Предприятие затрачивает по этому соглашению определенные средства, которые должны быть в будущем «возмещены» квалифицированным трудом работника, при чем его труд будет оплачиваться без вычета затраченных средств на обучение. Таким образом, от работника по окончании учебного заведения требуется только работа в предприятии, его содержавшем во время учения, при чем, как правило, устанавливается определенный срок работы. По истечении же этого срока, при отсутствии желания у трудящегося оставаться в этом предприятии, он может расторгнуть трудовой договор без всяких последствий.

Теперь спрашивается, что будет в том случае, если трудящийся по окончании учебного заведения не желает оставаться на работе в предприятии, которое содержало его во время обучения, какие последствия должны наступить?

Московский окружной суд, разрешая такой спор, пришел в своем решении к выводу (дело «Текстиль-строга» с Чигириновым), что госорган, заключив договор контрактации с трудящимся, обучив его, при нежелании последнего работать, не может требовать ни личного исполнения, ни возмещения затраченных средств. Таким образом законотрактующий по окончании учебного заведения может распорядиться своим трудом по собственному усмотрению. Такая установка, по нашему мнению, принципиально совершенно неверна. На самом деле, что тут такое? Подобное разрешение вопроса было бы правильным только в том случае, если обучение в целом, в том числе и предоставление высшего образования, было бы обязанностью государства, скорее общества, в отношении каждого отдельного индивида.

На данном же отрезке времени этот вопрос должен быть разрешен в иной плоскости, а именно: обуча-

ющийся за счет предприятия должен отработать затраченные на него средства лично или же возместить эти средства. Однако, совершенно ясно, что возмещение затраченных средств менее желательно для предприятия и что для него гораздо важнее исполнение договора лично. А это приводит к тому, что в интересах всего коллектива исполнение договора должно быть обусловлено не только материальной ответственностью обучающегося, но и принудительными мерами, посредством которых можно было бы понудить законтрактованного отработать по меньшей мере тот срок, который был указан в договоре.

Другой вопрос, когда неисполнение договора происходит по причинам, от сторон не зависящим, в этом случае нет нужды говорить о какой-либо ответственности.

Исполнение договора контрактации тем более важно, что в настоящее время он имеет большое применение. Разрешение же, которое этот вопрос получил в суде, может в результате принести только вред.

Мурин.

« »

Заочное юридическое образование и военно-судебные работники.

Вопрос о получении юридического образования путем заочного обучения военно-судебных работников является совершенно ясным и не требует никаких комментариев.

Для военных работников юридическое образование нужно как воздух.

Военно-судебные работники в большинстве своем бывшие политработники, побывавшие на фронтах гражданской войны, хорошо знают политработу, но совершенно незнакомы с юриспруденцией.

С одним положением, выдвинутым т. Седовым в статье «Еще о заочном юридическом образовании» («Ежен. сов. юстиции» № 36), нельзя согласиться—это о предполагаемых кадрах обучающихся военных работников.

Тов. Седов считает, что подготовке на курсах заочного юридического обучения по специальной группе или отдельно подлежат лишь ответственные работники, председатели, члены военных трибуналов и все прокуроры, а все остальные военные работники могут проходить обучение по одной из групп, указанной в плане заочного юридического образования.

Такая постановка вопроса неправильна. В военной группе должны обучаться все военные работники вплоть до старш. секретарей, особенно необходимо обратить внимание на группы военных следователей, тех, кто непосредственно в своей работе сталкиваются со всеми условиями армейской действительности и судебной работы. Военследы должны по количеству на военном отделении занять центральное место. Этого требует действительность. Руководящий состав военных трибуналов и военной прокуратуры ежегодно пропускается через соответствующие курсы для высшего начсостава.

Курсы заочного обучения желательно было бы проходить не в три, а в два года. Это срок вполне достаточный для получения основных знаний. Академизм на курсах не должен иметь места.

Военному делу должно быть отведено в среднем не более 35% из всего учебного плана с такой установкой, чтобы, ликвидируя юридическую безграмотность, в основном была бы ликвидирована и военная (знания в объеме командира запаса).

П. К.

Бобруйск.

От количества к качеству.

(Итоги работы Окружного совещания военно-судебных работников М.В.О.).

Закончившийся летний период работы военно-судебных органов М.В.О. дает нам полную возможность характеризовать истекший год работы как год, давший первые в нашей работе серьезные сдвиги. По каким линиям работы мы можем прощупать эти сдвиги? Мы имеем резкое снижение дознаний (на 42%) и следствий (на 55%), что дает и снижение осужденных военнослужащих (на 60%). Вместе с этим мы имеем увеличение осужденных по контр-революционным преступлениям (преимущественно ст. 58¹⁰).

Это говорит о том, что усилиями всего командно-политического состава округа мы добились снижения по М.В.О. незначительных проступков и что в то же время на фоне обострения классовой борьбы в стране мы, работники военно-судебных органов, не утратили классового подхода и брали под обстрел особо-опасные преступления в частях.

Окружное совещание в своей работе, однако, исходило не столько из достижений в ней, а из того, чтобы в будущем зимнем периоде изжить целый ряд недочетов в работе.

Каковы же те основные недочеты в работе военно-судебных органов, которые тормозят дальнейшее расширение достигнутых в ней успехов.

Существенным недочетом здесь является отставание, медленность работы военно-судебных органов, отставание темпа работы от темпа, которым работает вся армия.

До сих пор у нас внутри военно-судебных аппаратов не развернута в достаточной мере самокритика. Мы очень мало участвуем в развернувшейся в армии самокритике. Между тем как работа прокуратуры и суда дает для этого участия основательный материал. Вследствие этого не вскрывается целый ряд недочетов в нашей работе, не поставленной под обстрел армейской общественности.

Наша военно-судебная работа не опирается во всех своих звеньях на общественность, лишь от случая к случаю мы соприкасаемся с общественностью в отдельных звеньях работы (общественные обвинители, воензоры, временные члены суда). При комплектовании групп, скажем, общественных обвинителей мы недостаточно используем такой актив в армии как комсомол. В связи с усилением элементов общественности в нашей работе совещание особенно остановилось на необходимости пересмотреть формы работы наших военно-следственных аппаратов. Работа военследов в связи с уменьшением числа дознаний и следствий позволяет расширить ее, превратив военследа в части из чиновника, которым он очень часто является, в общественника, знающего часть, помогающего активно предупреждать, а не только регистрировать болезненные явления в части.

Наконец, совещание отметило необходимость дальнейшей усиленной борьбы с вылазками нашего классового врага. Здесь, когда мы имеем дело с особо-опасными преступлениями в РККА, не может быть речи о каком бы то ни было смягчении проводимой нами линии. Здесь наша политика предания суду должна быть четко классовой. Здесь мы должны решительно проводить линию наступления на враждебные нам элементы. Этой четкости мы, нельзя сказать, чтобы добились вполне. Покажем это на некоторых примерах из практики летней работы.

Один из красноармейцев части четырьмя экспертами был уличен в том, что он является автором контрреволюционной листовки. Дело его ставится показательным процессом и выступающий прокурор отказывается от обвинения (выступал прокурор переменного юрполитсостава, отбывающий сбор), а трибунал выносит оправдательный приговор.

Или если мы возьмем распределение осужденных по классовому признаку, то мы имеем здесь совершенно недопустимое положение: процент осужденных рабочих выше чем процент их в частях. Никто не занимается установлением причины этого ненормального явления, никто также не заинтересовался изучением состава осужденных крестьян.

Эту задачу изучения социального состава предаваемых суду и осужденных совещание выдвинуло в качестве важнейшей задачи предстоящей в зимний период работы.

Если мы возьмем нашу политику предания суду, то нетрудно убедиться, что здесь мы имеем достижения скорее только количественного порядка. Если, скажем, меньше стали предавать суду за счет отсева менее опасных явлений, так называемых «потыпочных дел», то естественно, что должен понизиться процент таких дел, которые военследы возвращают командирам, за отсутствием в них признаков преступления. Однако, при снижении дознаний мы имеем повышение процента дознаний, возвращаемых военследами обратно в часть (лето 28 г.—31%, лето 29 г.—46%). Вместе с этим мы имеем увеличение процента дел, прекращаемых в распорядительных заседаниях военных трибуналов (лето 28 г.—13%, лето 29 г.—15%). О чем это говорит? Во-первых, о том, что командиры все еще недостаточно усвоили директиву Р.В.С.М.В.О. об отсева малозначительных дел, во-вторых, что прокуроры и военследы недостаточно наблюдают и руководят проведением в практике военно-судебной работы лозунга мартовского совещания военно-судебных работников «лучше меньше, да крепче».

Наконец, совещание особенное внимание обратило на слабую работу суда и прокуроров вокруг приговора. До сих пор приговор не является в части таким событием, которое приковывало бы к себе внимание всей части. Слаба как подготовительная работа к вынесению приговора, так и последующая работа. Политорганы здесь должны помочь суду в создании вокруг приговора общественного мнения части, так как приговор дает богатейший материал для всей политической работы части.

Если мы в предстоящем периоде своей работы основательно поработаем над установками, данными совещанием, мы несомненно углубим памяткившиеся в работе сдвиги и количество переклочим в качество.

Сергей Орловский.

На местах.

Усилить правовую пропаганду.

Правовая пропаганда приобретает все больше и большее значение в работе прокуратуры. Много сделано также для вовлечения в работу прокуратуры широких масс. Так, по Ярцевскому участку к 1929 г. не было ни одной отрасли в работе прокуратуры, в которой не участвовали бы рабочие и крестьяне. Они выступали в суде, участвовали в рассмотрении жалоб и заявлений, в борьбе с преступностью и т. д.

По одному г. Ярцево рабочих втянуто в работу: 1) товарищеских судов—70 чел.; 2) в качестве общественных обвинителей—50 чел.; 3) в административную секцию горсовета—25 чел.; 4) в кружки правовой пропаганды—35 чел.; 5) в тройки при красных уголках казарм по борьбе с хулиганством—75 чел.; 6) в качестве нарзаседателей—200 чел.

За последний год выдвинуто на работу в прокуратуру 2 человека, в парсуд—4 человека, на работу нарзаседателя—1 чел.

Помимо этого при прокуратуре и следователи работают рабкоры, общественные обвинители, работники секций и вообще рабочие от станка. Они знакомятся с работой и ведут беседы с посетителями. Кроме того с активом прорабатываются темы, заготавливаются конспекты и после проводятся беседы в красных уголках среди рабочих и работников.

Проработаны следующие вопросы: 1) Кодекс законов о труде, 2) положение о примирительных комиссиях, 3) о товарищеских судах, 4) о сельхозналоге, 5) о борьбе с преступностью и хулиганством, 6) о борьбе с вредителями социалистического строительства промышленности и сельского хозяйства, 7) о бюрократизме и волоките.

По всем этим темам проведены беседы по казармам среди рабочих. Такая работа приносит органам суда, следствия и дознания большую помощь.

Рабочие и работницы не остаются уже простыми зрителями, но наоборот, сами активно участвуют в борьбе с преступностью. Мелкие кражи на фабриках, хулиганство в казармах, побой жен, бюрократическое отношение к работе работников учреждений,—все это выявляется работниками на собраниях.

Сейчас по городу работает актив числом свыше 400 человек, а по району свыше—200 человек.

Но на ряду с имеющимися достижениями в работе имеются и большие промахи. Во-первых, отсутствует правильное руководство этой работой, во-вторых, кроме работников НКЮ, в этой работе никто никакого участия не принимал. Сейчас, когда разворачивается большая работа по социалистическому строительству в городе и деревне, мы все-таки не видим должного внимания к работе по правовой пропаганде со стороны парторганизаций и профсоюз. А на деле выходит, что если партийцы и беспартийные массы рабочих, батраки и бедняки-крестьяне не знают советских законов, то у них на глазах вредители творят безобразия, срывают на фабриках трудовую дисциплину, а на селе колхозное строительство. Сейчас создается бюро правовой пропаганды и правовые кружки. Но этого мало, надо добиться того, чтобы программы партийных и профессиональных курсов и кружков тесно были бы увязаны с вопросами правовой пропаганды. Необходимо, чтобы на этих курсах изучалась основа закона—марксизм, а также текущие законы. А через учащиеся революционная законность будет проводиться в широкие массы. На съездах советов надо ставить доклады о революционной законности. Вот эти массовые формы дадут возможность даже в самых глухих деревнях еще больше втянуть широкие массы в социалистическое строительство страны и поднять активность масс в борьбе с классовым врагом. Необходимо также поднять качество правовой литературы и удешевить ее. А органам прокуратуры надо добиться разгрузки себя от текущей перенески и повести массовую работу, усилив особенно надзор за выполнением законов.

Пом. прокурора по Смоленскому округу
Ярцевского района *Боднев.*

г. Ярцево.

Работа юрисконсультов в Смоленске.

В № 41 «ЕСЮ» важные моменты затронуты т. юрисконсультами Марковым и Шатовым. Нам кажется вполне своевременным и необходимым взять под огонь критики наши местные бюро юрисконсультств. В зависимости от работы этих бюро, в свою очередь, строится общественная и советская работа каждого отдельного юрисконсульта, его линия в проведении своей работы в учреждениях или хозяйственных предприятиях. А ведь вопросы работы юрисконсульта, затронутые в том же номере «ЕСЮ» тов. Шатовым, как например: отказ от выступления в суде, от предъявления иска или признание правильности претензии контрагентами, до сих пор являются большими, не разрешенными вопросами.

Передавать бюро юрисконсультств все такие конфликты, возникающие у юрисконсультств с администрацией, нецелесообразно и в этом нет необходимости. В первую очередь бюро должны наладить свою так называемую производственную работу, должны помочь молодым советским юрисконсультам в их работе и должны развить общественную работу по правовому обслуживанию трудовых масс. У нас, однако, в Смоленске такой работы бюро совершенно не ведет.

Правда, после нарыва в конце 1928 года все юрисконсульты заполнили в прокуратуре анкеты и было избрано бюро. Правда и то, что на скорую руку были организованы секции и намечены планы работ. Было решено для ознакомления с работой юрисконсультств и выявления их подготовленности проверить несколько человек бригадным путем. Избрали бригады, поручили, а дальше, дальше ни с места.

Как-то весной, в 1929 г. секция хоз. права обсуждала проект положения об юрисконсультах, и где бы вы думали? в коридоре губсуда, так как представитель губсуда на совещание не явился.

Это было последнее событие в жизни нашего бюро. Наступили новые времена—на смену губернской организации валась область, и областная прокуратура снова вызывает через печать всех юрисконсультств, и что же вы думаете, снова те же анкеты заполнять и у тех же лиц. Спрашивается, зачем, когда папки те же, бумаги те же остались в областной прокуратуре, разве только вывеска другая? Заполнили анкеты и все. Новые времена ничего не изменили. Спрашивается, разве такое бюро может заниматься конфликтными вопросами? Поэтому у нас каждый юрисконсульт предоставлен самому себе, своему умению «ладить».

Однако, в Смоленске в этом отношении был очень характерный случай: администрация уволила молодого юрисконсульта потому только, что хотела взять старого специалиста, оказавшегося вычищенным. И когда встал вопрос, в каком же порядке должен быть разобран этот конфликт, на него никто не мог ясно ответить: трудсесия прекращает дело, считая это делом администрации, отдел труда относит его к конфликтным, а прокуратура вообще ничего не говорит. И лишь НКТ разъяснил, что вопросы об увольнении юрисконсультств должны рассматриваться в конфликтном порядке. Этот частный случай мы привели в подтверждение того, что в вопросах найма и увольнения юрисконсульты считаются лицами, в отношении которых не требуется особого доверия. Следовательно, передача вопроса об увольнении в бюро совершенно излишня, так как юрисконсульт, как и всякий служащий, имеет достаточно возможностей обжаловать необоснованное увольнение.

Нас интересует другой важный вопрос: может ли юрисконсульт отказаться от ведения дела и если да, то в каких случаях. Нам кажется, что в данном случае вполне правильно будет применить положение о главных бухгалтерях, по которому главбух, сомневаясь в правильности расхода, обращает на это внимание администрации, а при повторении распоряжения—производит расход с уведомлением вышестоящего органа и РКИ.

Ведение судебного дела—это тот же расход материальных ценностей, поэтому юрисконсульт, если он несогласен с мнением администрации, обязан письменно изложить свое мнение с указанием оснований. Если администрация все же настаивает на ведении дела в суде, он обязан подчиниться с теми же последствиями, как и главбух. Нужно сказать, что директор какого-либо треста, даже местного значения, распоряжается большими ценностями по своему усмотрению. Если же вы лишите его этого права